

Евгений Фёдоров

Большая зона

Книга 1. Ироническая проза



Евгений Фёдоров

Большая зона. Книга

1. Ироническая проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18010702

ISBN 9785447464837

Аннотация

Сборник невыдуманных рассказов о временах и о людях, проживавших на территории «Большой Зоны», где они вынуждены были жить в 2 ипостасях: «быть» и «казаться, изображать». Немногие смельчаки пытались разорвать этот диссонанс и просто – «жить». Система строго карала «еретиков», выдавливая их на обочину жизни из стройных рядов бесхребетных «строителей светлого будущего»... Одни уходили в запой, другие – в психушки, суицид и на зоны... Многие рассказы объединяет один герой – Антон – бывший беспризорник. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Об авторе	7
О книге	10
Хинди руси бхай2!	12
Апостол	23
В Стране утренней свежести	32
Рождественская быль	51
Страшный Отто	59
Митрофанушка	62
Медовая ловушка	105
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Большая зона

Книга 1.

Ироническая проза

Евгений Фёдоров

*Таше ФЁДОРОВОЙ (Новиковой) —
терпеливому и надёжному другу,
от сорок лет коленопреклонённого Автора.
3 сент. 1979 – 2019.*

*Корректор Ирина Фёдорова
Верстка Анастасия Турушкина*

© Евгений Фёдоров, 2019

ISBN 978-5-4474-6483-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСВЯЩАЕТСЯ настоящим ГРАЖДАНАМ¹,
шагнувшим за борт:

¹ В Древней Греции статусом «*гражданина*» (политас) обладали только *свободные люди*, имеющие право голоса. Рабы и женщины статуса гражданина не имели.

Славе Курилову – океанологу лайнер «Советский Союз», – у берегов Филиппин. 1974 г. Израиль.

Юрию Закиматову – капитану сейнера, – у берегов Норвегии, у мыса Норд-Кап, 1958 г.

Виктору Стежко – капитану пасс. судна «Зарница», в Гибралтаре. 1961 г. Убежище в Англии.

Константину Саплину – капитану СРТ, в проливе Зунд, Дания. 1963 г. Без вести.

Олегу Соханевичу – скульптору, Чёрное море. На надувной лодке – в Турцию, 1967 г.

Геннадию Гаврилову – художнику, Чёрное море. 1967 г. Вместе с О. Соханевичем, в Турцию.

Валерию Саблину – кап..3 ранга, – мятеж на БПК «Сторожевой», 1975, Рига. Расстрелян.

Юрию Петухову – стармеху, Калининград, за газету НТС «Посев» осужден на 5 лет, пропал без вести.

Валентину Бянкину, – начальнику ДВ пароходства, капитану, писателю, 1983 г. замордован партийной кликой, уволен, суицид в каюте судна...

Дмитрию Камкину, – руководителю флота, капитану, легендарному подводнику – торпедировал нем. линкор «Тирпиц», замордован партийной кликой, сослан в Магадан, умер в каюте одиноким. 1978 г.

Юрию Галичу – генералу Белой гвардии, автору 14 книг и песни «Поручик Голицын», 1920 т. суицид при аресте чекистами в Риге.

И – всем другим, не упомянутым мною!

АВТОР.



И в Антарктиде, если с мамой, – всегда тепло...
Из личного архива автора

Об авторе

Фёдоров Евгений Александрович, (22.09.1935 г.р.) во время войны, в оккупированном немцами городе Таганроге (Юг России, Ростовская область), в 1942 году оказался беспризорным: отец – был на фронте (погиб), а мать немцы увезли на рытвё противотанковых рвов под Ростов. В результате временных успехов Красной Армии мать оказалась на освобождённой территории.



Автор – Евгений Федоров

Детдом. Пять неудачных побегов «в моряки» на крышах

вагонов. На шестой раз начальник мореходки в городе Таганроге рискнул принять его с «колом» по математике, ибо в оккупации он беспризорничал и не учился. Образование высшее морское – инженер-судоводитель и юридическое – юрфак Калининградского (Кёнигсбергского) университета. Капитан дальнего плавания с 1964 года.

Последние годы до ухода на берег он 12 лет работал на судах под иностранными флагами. Вся его биография – в его рассказах.

Евгению Фёдорову посчастливилось склонить голову на могилах Великих Мореплавателей: Х. Колумба в Гаване (Куба), Васко-да-Гама в Кочине (Индия), Ф. Магеллана в Маниле (Филиппины) и Домику Дж. Кука в Мельбурне (Австралия). Мечта любого пацана!

Печатают с 1972 года, повести и рассказы в сборниках и журналах. В 2011 году во Владивостоке вышла книга «К морю приговорённые». В 2013 году в Канаде вышли две книги «Морем приговорённые» и «Невыдуманные истории». В 2014 году, там же вышла книга «Мальчишкам и девочкам от трёх до тридцати», а в Германии – «Услышьте нас на суше».

В 2016 г. в Екатеринбурге изданы три книги: «Триумф еретиков», «Мальчишкам и девочкам» и «От трёх до тридцати».

На сайтах «Проза.ру» и «samlib.ru» размещены 24 повести и рассказа Е.А.Фёдорова..

Автор: E-mail: parus35@mail.ru, Тел. (7) 8—902—556—
53—02

О книге

В книгу включены невыдуманные рассказы из жизни моряков, написанные автором на живых фактах и не являются сочинением или морским «трёпом». А повесть «Окурки» о беспризорниках в годы оккупации полностью автобиографична.

*Корабли постоят и ложатся на курс,
Но они возвращаются сквозь непогоду,
Не пройдёт и полгода и я возвращусь,
Чтобы снова уйти на полгода...*

Эту песню «Возвращение» Владимир Высоцкий написал под впечатлением рассказанного ему автором «про морскую жизнь» в полугодовых сельдяных экспедициях в Северную Атлантику, на дачах в Архангельском (Подмосковье) в 1967 году.

РАЗРЕШИТЕ ПРЕДСТАВИТЬ:



Евгений ФЕДОРОВ

В "Избе-читальне" №1 мы печатали отрывок из повести Е.Федорова "Окурки". Судя по письмам читателей, полученным редакцией, проза этого автора пришлась вам по душе. Предлагаем вашему благосклонному вниманию фрагмент повести капитана дальнего плавания Евгения ФЕДОРОВА "Удавка". Повесть на краевом конкурсе молодых прозаиков и поэтов, приславших около 400 произведений (это было еще в 1987 году), получила первый приз. Литература и пресса в те годы еще пребывали под прессом советской цензуры (в школьных учебниках привычно поминалась "проклятая царская цензура"), в фаворе были вылощенные и выхолощенные "производственные романы", а проглянет хоть немного психологизма в прозе - ее тут же заклеймят страшным словом "достоевщина". И всё же на третьем году перестройки стали пробиваться первые зеленые ростки. Вот что писала тогда единственная "взрослая" наша газета "Красное знамя":

Из прозаиков на семинаре заметно выделялся моряк Евгений Федоров из Владивостока. Можно с уверенностью сказать, что он надежно связал свою жизнь с литературным творчеством, и та повесть, которую обсуждали на семинаре и которая будет опубликована в Дальиздате в одном из сборников, - не последняя его удачная вещь.

Аннотация гласила следующее: Повесть Е.Федорова "Удавка" - не детектив, хотя в ней есть и загадочность, действует уголовный розыск. Это произведение о судьбе моряка, волею обстоятельств и из-за своей бесхарактерности ставшего на преступный путь.

Секретарь Приморского отделения Союза писателей России – Лев Князев

Хинди руси бхай²!

Рассказ

Над серой и неприглядной пятиэтажкой, именуемой в народе «хрущёвка», метровыми, железными, ржавыми буквами растянулась агитка: «НАРОД И ПАРТИЯ – ЕДИНЫ!». Напротив, на станции «Скорой помощи» – ещё один лозунг: «ПАРТИЯ – НАШ РУЛЕВОЙ!»

На каждом предприятии обязательно был партком и был «второй отдел»... (почему он «второй» – никто не знал и знать не смел), который ещё называли «Особый»... Но, как его не назови, а всем было ясно – «гэбисты»... И вот эти две структуры были едины в целях и задачах: держать этот самый «народ» в жёсткой узде и полном надзоре. А он, народ, был в этой компании объектом пристального внимания, но не субъектом пресловутого ЕДИНСТВА...

Какое может быть единство у волка и трепетной лани?

Наши бабушки и дедушки с трепетным вожделием вспоминают копеечные счета из ЖКХ, дешёвые лекарства и пенсии, достигающие уровня инженерского оклада (120 рублей!). (А, если всю жизнь простоял у одного станка, на одном и том же предприятии, то добавляли к пенсии ещё аж 12 рублей!) Ну, и ещё – бесплатное образование... Бес-

² Индийцы и русские – братья!

платные путёвки в санатории от профсоюза... Дешёвая колбаса, водка и сигареты...

Но, к нам, в СССР, ни разу не прилетали марсиане или другие добрые инопланетяне, чтобы оплачивать все эти «бесплатные» халявы. «Проклятые, гнивающие» капиталисты тоже не трясли мощной для нашего благоденствия. Так какими же средствами оплачивались вышеуказанные блага социализма? А они оплачивались нашими дедушками и бабушками. Секретные работы наших экономических светил вывели средние цифры зарплат на то время. И они составляли, примерно, в десять раз большую цифру, нежели оклады по Стране. Но, там, наверху, партийные одры свято следовали заветам «добренького» дедушки Ленина: держать народ впроголодь!

Принцип Парижской Коммуны – министр и дворник получают равную зарплату, ибо имеют равные физиологические потребности был заявлен Лениным в числе первых его Указов. Однако быстро был «замылен» (с учреждением ЧК) и остался в действии до сего дня только в части, касаемой категорий от дворника до инженера. Ибо в 52-х томах ленинских опусов сквозит другая, секретная его установка: «народ должен жить впроголодь, только тогда он будет устремлён к улучшению своего благополучия путём активного сотрудничества с властью»...

Как в воду глядел!

И был только один путь подняться над планкой – вступить

в «Ложу», то бишь – в партию и принять все её правила игры: продать душу дьяволу, Сатане и до конца жизни не иметь собственного «Я». Ведь партия – это диктаторское орудие правления всем народом. Даже круче, чем религия. Там – согрешил, исповедался, покаялся, исполнил епитимью, скажем, – сто поклонов и чист, аки агнец новорожденный.

Другое дело – партия. Тут, ежели проявил строптивость или, упаси бог! – инициативу, то, вначале, после трёпки, будешь жить с «чёрной меткой» («строгачом»), зафиксированной в анналах, до гробовой доски. Ну, а если стая лишит тебя партбилета, то ты уже, практически, не жилец в среде борцов за светлое будущее. Ты – изгой! В твоей анкете – пожизненно! – стоит тавро: «состоял... исключён...» и скажи «спасибо», если не «заклүчён»....

Посему, в компартию попёрли валом лодыри, карьеристы, неудачники и малообразованный плебс... Немногие вступали по нужде, для профессионального роста. Других протащили за уши (через «заушное» образование) в начальство, надев намордник, узду «члена партии»...

«Узда – часть упряжи – ремни с удилами и поводьями, надеваемые на голову лошади (или верблюда, мула, осла и др.)»³.

В переносном смысле слово «узда» имеет широкий диапазон в вариациях: обуздать, взнуздать и во всех случаях это означает одно: лишить свободы, навязать чужую волю...

³ Советский энцикл. словарь А. М. Прохорова, стр. 1379.

Не зря же г-н А. М. Прохоров перечисляет адептов «узды»: мул, осёл и др. Под и «др.» следует понимать, в переносном смысле, – млекопитающих с партбилетом в левом, нагрудном кармане (ближе к сердцу, чтобы грело надежду подобраться поближе к кормушке!). Посмотреть на кривую дорожку к власти любого политработника: «из грязи в князи...»

Никто, без всяких исключений и поблажек, невзирая на гениальные способности и высоких покровителей не мог пробиться в начальство даже средней руки, если он не охвачен спрутом – партией!

Это сволочное, негласное правило касалось и моряков. Любой непревзойдённый моряк-судоводитель с высшим образованием, дипломом капитана дальнего плавания и двумя десятками международных свидетельств в кармане (называемых «фантиками» из-за их полной бесполезности) понимал, что без партбилета капитаном ему никогда не быть: он не будет даже предложен на обязательное утверждение в райком/крайком партии... Сюда же, прицепом, идёт и получение (неполучение) квартиры, заграничных, назначение на новые суда. Не говоря уже об орденах и медалях, без которых упрямец, независимо от стажа работы, не войдёт в жалкую когорту «ветеранов труда», с её нищенскими льготами.

После пяти лет безвылазной работы в мрачной и беспокойной Северной Атлантике, в районе Исландии и Фарерских островов, в 1959 году, в неполных 24 года Антон был

назначен капитаном на новострой – СРТ (средний рыболовный траулер), только-что полученный в ГДР. Вопрос о партийности на малом флоте тогда у рыбаков остро не стоял. Остро стоял вопрос с кадрами, флот пополнялся новыми судами чуть ли не еженедельно.

Отработав 20 лет у рыбаков в Калининграде, с дипломом капитана дальнего плавания и двумя ВУЗами в активе, Антон перевёлся в Дальневосточное пароходство, где был хорошо принят и успешно работал, но! В пределах портофлота. Капитаном на большой флот его не назначали и не утверждали. И не могли утверждать: Антон был беспартийный. На все его обращения в кадры непробиваемый кадровик-чинодрал Станислав Луста неизменной фразой: «Будем посмотреть (именно так: „посмотреть“!), пока ничего предложить не могу»! отбивал всякую охоту выстаивать очередь у двери его кабинета под участливым взором секретарши Дины. Сидеть в портофлоте капитану дальнего плавания – это египетская казнь и согласился Антон, чтобы попасть на интересную линию – индийскую, – пойти в рейс на должности второго помощника капитана, грузового.

И вот в Кочине, это – Западное побережье Индии, замечательном городе-аристократе, вроде нашего Сочи (Даже близко по написанию: Cochin), где не видно на улицах даже нищих и коров, Антон, в сопровождении индуса-агента Давида Гутмана (!) возвращался на судно после посещения старинного собора, где сохранено захоронение Васко-да-Гама. Го-

ворят, что прах Великого Мореплавателя португальцы увезли на родину, в Португалию, но индусы это отрицают.

Вокруг собора улицы застроены дорогими коттеджами, на парадных дверях позолоченные таблички с ...еврейскими фамилиями... На круге цветника – бетонные панно с барельефами Карла Маркса, Ленина, Сталина и... Троцкого!

– «Вот те на! Где евреи – там буза! А этим-то зачем коммунизм? Торговля-то будет отменена» – раздумывал Антон. А агент пояснил, что евреи живут здесь особняком, колонией уже 300 лет, с незапамятных времён, и это одно из Колен Израилевых.

У входа в порт распахнуты бамбуковые занавеси в какое-то бунгало. Антон заглянул в тёмное нутро. Там, на скамьях, как в театре, сидят докеры, а на стенах, подсвеченные лампадами, развешены огромные лики Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Троцкого и... Иисуса Христа!

– Мать честная! Вот так кампания! Что здесь происходит? – спросил Антон подбежавшего к нему приветливого распорядителя-активиста.

– Это – региональная ячейка индийской компартии. Русский моряк, конечно же, – коммунист (и этот – туда же!) и, поэтому, имеет право присутствовать на саммите. Проходите, садитесь, пожалуйста, – пригласил Антона распорядитель.

Антон осенило! Он не стал объяснять, что вовсе он не коммунист и что он не имеет никакого права манипули-

ровать их доверием, а сразу огорошил активиста вопросом:

– А вы можете принять меня в КПИ, в индийскую компартию? – у Антона в мозгу мелькнули перекошенные, как на картинах Гойи, рожи парткомовцев пароходства.

– Если вы имеете двух поручителей, знающих вас два месяца и разделяете программу нашей, марксисткой, компартии, тогда мы примем вас с радостью! – расцвёл в улыбке активист: ему в пять минут удалось завербовать нового члена, да ещё какого! Из коммунистической России!

– Стивидоры и агенты знают меня уже более года!

– Тогда сейчас заполним анкету и сбросим её факсом в Нью-Дели. Сколько будете стоять у причала? Три дня? Тогда успеете получить партбилет! Идите фотографируйтесь, на проходной порта стоит автомат! И возьмите рекомендации у поручителей. Они знают, что нужно писать.

На третий день, перед отходом в рейс, активист прислал на судно гонца. Антона пригласили в бунгало, где активист торжественно вручил Антону партбилет члена КПИ (М), заполненный на английском языке. Буква «М» означала, что Антон является членом «марксисткой» компартии в отличие от маоистской и других «брэнчей» компартий Индии.

Во Владивостоке, старинный особняк на улице Алеутской, родовое гнездо семьи Бриннеров, по соседству с офисом Дальневосточного пароходства, был осквернён... Бывший владелец пароходства и данного особняка старик Юлиус Бриннер перевернулся в гробу, когда в его семейных поко-

ях расположилась банда в триста штыков его идейных и заклятых врагов – партком пароходства со штатом плавающих дармоедов-помполитов. Это – глаза и уши не только партии, но, в первую очередь, – КГБ. Наивные хозяйственные руководители (в том числе и – капитаны, которые тешут себя поговоркой: «Капитан – второй, после Бога!») даже не подозревают, что они – марионетки на пальцах партийных функционеров, зачастую некомпетентных и малопрофессиональных проходимцев и карьеристов.

Один из Законов Паркинсона – «Индекс Питера» – гласит, что мир страдает от повальной некомпетентности. Ибо, от компетентной особи некомпетентная среда сразу избавляется тремя проверенными способами: первый – вниз (ошельмовать, оклеветать, «подставить»); второй способ: выдвижение наверх! (где имярек уже бесполезен, некомпетентен и даже – вреден!) и – третий способ избавления от умного инициатора: сплавить его соседям в совершенно другую отрасль, но с блистательной характеристикой (например: торговец мебелью – министр Обороны страны!). Так вот в «корпусе» политработников всех рангов и мастей – вот те самые, которые где-то, когда-то, в чём-то преуспели, но их «подняли», «сплавили» или даже «опустили» до уровня никчемных, но амбициозных партфункционеров с большими правами поучать, наставлять и даже – карать! И, самое страшное, от этих душевно убогих, с позволения сказать, – людей во многом зависят человеческие Судьбы. Примеров тому –

несчастье, один из которых – судьба начальника Дальневосточного пароходства Валентина Бянкина. Партийные шавки довели его до петли!

Надо ли говорить, с каким злорадством и запалом влетел Антон в приёмную секретаря парткома пароходства Клима, с двумя (!) секретарями-цербершами у врат Самого.

– По какому вопросу? Вам назначали встречу? Вас вызвали? – бросились обе думы перекрывать дорогу в апартаменты Самого, растопырив руки в стороны, как в детской игре: «А ну-ка, отними!»

– Щас всё узнаете! По крикам в кабинете! Но сразу вас успокою: меня не вызывали сюда, слава Богу, пятнадцать лет!, – Антон отодвинул в сторону возмущённых дам и вошёл в кабинет-покои с портретом главного мракобеса – людоёда Ленина на стене.

Было бы слишком бледное описание сцены, когда секретарь парткома Клим прочёл написанное в партбилете и до него дошёл смысл заявления Антона:

– Теперь, формально, вы обязаны утвердить меня в должности капитана, не то – пожалуюсь в ЦК индийской компартии! – заявил Антон, нагло усмехаясь. – Вы пятнадцать лет лишали меня права работы по моей квалификации, держали меня на задворках из-за отсутствия членства в КПСС. Так вот сейчас я – член компартии!» Хинди – руси – бхай, бхай! – не так ли? Индийцы и русские – братья, кричали когда-то на всех перекрестках. Давайте, оформляйте представление

на капитанскую должность или вы будете игнорировать Компартию Индии?

– Комедию решил разыграть? – заорал Клим так, что обе дамы и его зам. заглянули в кабинет:

– Вызвать охрану?

– Не нужно вызывать! Мы с КАПИТАНОМ сами разберёмся, – растерянно пробормотал Клим, убирая индийский партбилет к себе в стол. – Я должен проконсультироваться со Службой безопасности мореплавания, ведь это они делают представление на капитанскую должность, – заключил Клим, сбавив тон.

– Но вы же сами знаете, что они НЕ ИМЕЮТ ПРАВА выдвигать в капитаны беспартийного!

– Я подумаю. Зайди завтра! Всё! Но про свои игры в партийность прошу не распространяться! И про билет – забудь. Себе же навредишь.

На следующий день Антона, по согласованию, откомандировали в Службу мореплавания Гидрометинститута КАПИТАНОМ на научно-исследовательское судно «Прилив», который, вместо науки занимался перевозкой автомашин б/у из Японии. Там не требовалось утверждения в райкоме КПСС, как прикомандированному временно.

И, таким образом, Дальневосточное пароходство, в лице партийного секретаря Клим, избавилось от члена Индийской компартии, как от головной боли, – навсегда. Ибо, к тому времени, ситуация в стране стала меняться.

Антон же, с этого момента, стал работать капитаном, даже лишившись индийского партбилета. Он ушёл работать на суда под иностранными флагами, где партийность работника не имела никакого значения. А прошлое смотрелось как нонсенс!

Апостол

Рассказ-быль

Как трактир на большой дороге – желанное место для уставшего путника, так и Сингапур, между двумя мирами, тоже на большой морской дороге – желанное место отдыха для моряка и туриста, и никак его не минёшь.

А в Сингапуре, этом вселенском базаре, в стороне от Сити и Торгового центра (названия бутиков: «Владивосток», «Рига», «Чёрное море», «Одесса», «Ялта», «Находка», «Новороссийск») есть тихие, безлюдные, в зелени, широкие улицы, где очень приятно, не торопясь, пройти пешком. Ни машин, ни прохожих и – тишина... Машин мало потому, что их число регулируется путём жесткого лицензирования. Чтобы купить и эксплуатировать автомашину в Сингапуре, нужно уплатить за лицензию сумму, почти равную стоимости машины.

На пути из Японии в Индию мы по пять суток испытывали блаженство на причале Пассир-паджан в тихой, на западе порта, заводи, вдали от городской суеты.

В Сингапуре мы выгружали пять тысяч тонн электроники из Японии и грузили чумизу (бобовые, вроде чечевицы), орехи кешью и пальмовое масло на Индию. Но, кроме орехов, самым лакомым кусочком для экипажа были 200 тонн ма-

кулатуры. Это были упаковки не раскупленных в Азии всевозможных журналов, газет и буклетов. Мы растаскивали их по каютам. А журналы мод, интерьеров и рекламные проспекты паковали домой для подарков жёнам и друзьям.

В первый же день мы зашли с агентом в автобус, он отпустил машину второму агенту, и вдруг... вокруг меня тихонько «слиняли» со своих мест даже старички и старушки... Я спрашиваю агента: «What happened?» А он мне отвечает с улыбкой: «Triada! You are as the maphiozi! It's their brand on your leg! It's terrible for citizens!» (Перевод: «Что случилось?») Ответ: «Триада! Вы как мафиози! Этот их знак – тату – на вашей ноге, он внушает ужас окружающим!») И добавляет, что мне за использование их **МЕТКИ** бандиты просто **ОТРЕЖУТ ГОЛОВУ** – такой у них закон! Так что: «Поскорее надевайте брюки, пока вас не засекли в городе, к сожалению, в Сингапуре есть эти очень плохие и страшные люди».



Тату на моей ноге – акула, пронзённая якорем – вот причина паники, а я был в шортах!

К концу стоянки я решил пройти по городу и сделать снимки для моих дочек. Места вокруг были, как на глянцевых обложках рекламных журналов – красота! На этот раз я надел белые бриджи, укрыв от посторонних глаз опасное тату: зачем пугать добропорядочных граждан и подвергать риску свою голову. Судовой агент сказал, что в Сингапуре есть очень плохие люди!

Ко мне зашёл старший механик: «Я слышал, что вы идёте гулять по городу, не зайдёте ли на судоремонтный завод „Капpler“, это – рядом. Там стоит на ремонте наша китобаза „Советская Россия“. А вы говорили, что у вас там знакомые

капитан и стармех. У нас сгорел сервомотор, а у них – две сотни таких моторов. Я вам дам описание-сертификат мотора и бутылку „Наполеона“ для презента, авось, выручат?»

Жара была несусветная, солнце стояло прямо над головой и я понял, что гуляние по городу не получится, я забыл на судне кепку-жокейку. Но просьбу «Деда» (стармеха) выполнять было надо, дело важное. И я пошёл быстрым шагом по широченному, утопающему по обочинам в зелени, проспекту. Тропическая зелень подступала к самому тротуару, и за её стеной не просматривался поворот к воротам завода, а все стеклянные многоэтажки находились в отдалении от дороги. Улица безлюдна, спросить дорогу к заводу не у кого. Вот тебе и мегаполис с пятимиллионным населением! И как они так могут – не мешать друг другу?

Но вдруг открылась среди зелени лужайка, а на ней – джип с открытым капотом. Из-под капота торчала только спина водителя – он копался в моторе. – Would you like to help me? Explain, please, what is the way to Kappler ship-yard? (Не откажите в любезности указать мне дорогу на судоремонтный завод Капплер?).

Не вылезая из-под капота машины, незнакомец махнул рукой вдоль дороги и крикнул мне вслед: «Three hundreds metres and to right!» (Триста метров и – направо!)

Пройдя полтора метра, я услышал позади себя крики: «Mister, wait! Please, – wait! Just a minute!». Обернувшись назад, я увидел, что ко мне бежит мелкой рысцой благооб-

разный старик. Он держится левой рукой за сердце, а правой машет мне, пытаясь привлечь моё внимание.

Я поспешил назад, ему навстречу и усадил его на ближайшую скамью на лужайке.

– Что случилось? Почему вы бежали за мной? – был мой первый вопрос.

– Я замерял уровень масла в своей машине спиной к вам и машинально махнул рукой в противоположную сторону. Я вас нечаянно обманул. Я бежал за вами, чтобы извиниться и исправить положение: вам следует идти в обратную сторону и теперь уже – из-за меня – четыреста пятьдесят метров. Простите ещё раз, я не нарочно вас обманул! – с придыханиями через фразу объяснил мне старик, глотая таблетки.

– Ну зачем вы это сделали? Зачем вы бежали за мной с вашим больным сердцем? Ну, побродил бы я малость, и ничего бы со мной не стало, я просто – гуляю... А может быть, вам вызвать амбуланс? (Скорую помощь). Чем я могу помочь вам, дорогой вы мой человек? Я доставил вашему сердцу лишнюю боль. И я хочу проводить вас назад, к вашему офису...

– Моё сердце болело бы дольше и сильнее от сознания того, что я обманул путника, обратившегося ко мне за помощью. Амбуланс вызывать не надо, я – хроник, а вызов стоит двести-триста долларов, не считая врачебных услуг!

– Ну, так позвольте, пожалуйста, мне вас снять на фото, на память о хороших людях в Сингапуре! А то в первые дни

меня сильно испугали сингапурской мафией.

Я сделал десяток кадров с разных ракурсов и, естественно, попросил у него визитку, чтобы «на втором круге», в следующем заходе в прекрасный Сингапур (старик поднял ре- номе своего города выше всех рекламных проспектов!) че- рез три месяца я бы смог вручить ему мои снимки.

Он достал красивое портмоне и вручил мне свою визитку. Я взглянул на неё, чтобы уточнить номер его телефона, ибо на визитке значилось их аж пять.

То, что я прочёл на визитке привело меня в изумление: хозяин визитки, сидевший на скамье напротив меня был ни много ни мало – генеральный директор международного концерна Азия-Европа по логистике (транспортировке) уг- леводородов (нефти и сжиженного газа) танкерами десятка компаний...

– Вот те на! Дак вы, оказывается, – ВИП персона, а я вас, как мальчишку, спровоцировал покорять стометровки! – по- пытался я шуткой сгладить свой грех. – А сколько же вам лет, простите случайного прохожего за нескромное любо- пытство?

– Месяц назад мне исполнилось восемьдесят. Но я не пью спиртного уже пять лет, не курю столько же лет и занимаюсь спортом стариков: яхта и теннис! – отвечал он улыбаясь.

Я окинул его фигуру уже другими глазами. Он был сухо- щав, но не худ. Лицо без глубоких морщин, но с «сеточкой» у глаз. А самое главное, у него был МОЛОДОЙ и звонкий

голос, без старческой хрипотцы. По телефону я бы ни за что не дал ему его возраст – 80 лет! И ещё у мистера Муна (так значилось его имя на визитке) были очень ясные и лучистые глаза.

Мы вернулись, я проводил его до лужайки, где находился его офис и где произошла наша встреча, тепло попрощались, похлопав друг друга по спине и договорились здесь же встретиться через три месяца, когда я вновь буду следовать из Японии в Индию. Я должен буду ему позвонить по телефону заранее, ибо его день расписан по минутам!

Я отправился на завод Каплер и выполнил поручение стармеха так, что меня, бездыханного, вместе с новым мотором и пятью бутылками советской «Столичной» водки (презентом) капитан китобазы доставил на борт моего судна на личной, купленной в Сингапуре дизельной «Волге» русского розлива... (Они, экипаж китобазы, уже закупили к тому времени в Сингапуре аж 20 наших «Волг», которые стоили там – копейки, как неустойчивые к тропикам)...

Прошло три месяца. И, как предусмотрено было нашей ротацией – сэйл инстракшн, рейсовым заданием – мы ошвартовались у гостеприимного причала Пассир-паджан, в желанном Сингапуре.

Я взял отпечатки снимков, картину маслом – вид зимнего Владивостока, подарок мне самобытной приморской художницы Тамары Алёшиной-Мисюк, и позвонил на Клиффорд-пирсе из автомата (там их целая шеренга и слышит-

ся речь на всех языках мира!) мистериу Муна. Мне ответил певучий, как детский, девичий голосок по-английски, но с сильным акцентом:

– Пригласить мистера Муна к телефону нет возможности...

– Но он не в отъезде? И, если я сейчас подъеду к офису, я смогу увидеть мистера Муна? Я в Сингапуре транзитом.

– Я затрудняюсь ответить на ваш вопрос... – прошелестело в трубке.

«Бюрократы чёртовы», – подумал я и отправился на автобусе в офис мистера Муна.

Когда я на входе объяснил суровому секьюрити, к кому я иду и показал ему в доказательство визитку мистера Муна, тот посмотрел на меня с изумлением. Но пропустил и объяснил, как найти офис, на каком этаже.

Молоденькая секретарь детского возраста и вида, на мой вопрос, могу ли я видеть мистера Муна, приложила платочек к глазам и шёпотом произнесла:

– Нашего дорогого мистера Муна мы похоронили месяц назад. Сердце...

...Тишина...

Мне стало не по себе... Мне показалось, что в самой малой степени, но и я повинен в его смерти...

– Он был очень достойным человеком, я – свидетель, – сказал я девушке и попросил: «Я вёз ему подарок из России... Повесьте, пожалуйста, эту картину в его кабинете, он

нас увидит... сверху...»

В Стране утренней свежести

Рассказ очевидца

*Корея – Страна утренней свежести.
Народный корейский фольклор*

Эта история до сих пор жива в памяти моряков Дальневосточного пароходства, как пример разумной дипломатии в коллизиях с национальным шовинизмом. Когда, кажется, были не в силах помочь ни МИД ни Внешторг, моряки с блеском разрешили конфликт «своими силами»...

Мой друг и коллега – Капитан дальнего плавания Игорь Гринёв-Исупов работал на «систер-шипе» (однотипном судне) сухогрузе на одной и той же линии со мной и мы периодически встречались в Северной Корее, где загружались цементом, солью и фруктами (в сезон) для нашего Крайнего Севера. Когда на моём судне в северокорейском порту Вонсан произошёл вымышленный, провокационный конфликт с корейской Стороной и группа наших судов оказалась жертвой спланированной «забастовки» (ибо без команды партруководства провинции никто даже чихнуть бы не смел!) – а МИД СССР и Внешторг затеяли долгую и бесполезную переписку, в порт Вонсан прибыл на попутном судне «Шилка» русский капитан Игорь Гринёв-Исупов и... весь партийно-хозяйственный актив порта Вонсан построился на прича-

ле по стойке «Смирно!» с флагами и транспарантами типа: «Бесконечно рады встретить дорогого Высокого Гостя на нашей гостеприимной земле!!!»... После чего – работа по погрузке наших судов «закипела» в ударном темпе!

Мы, только ещё вчера наблюдавшие злобные выпады и какофонию враждебных выкриков... были изумлены и.. злобно горды: «На кого попёрли, несмышлёные?» А как это всё случилось – описано в моём рассказе по просьбе капитанов Дальневосточного пароходства и сыновей Игоря Гринёва-Исупова.



Капитан Гринёв-Исупов в Чукотском море на т/х «Шилка»

Рано утром взъерошенный радист вместе со стуком влетел в каюту капитана теплохода «Уссури» Игоря Григорьевича Гринёва-Исупова: Судно стояло под погрузкой леса в Петропавловске-Камчатском назначением на Японию.

– Игорь Григорич! Вас снимают! – и положил на стол «Срочную» из Пароходства.

– А ты что? Радуетесь, что ли? – Гринёв неторопливо взял радиограмму и прочёл вслух (Какая уж тут тайна!):

«Получением РДО⁴ срочно передать дела обязанности старпому зпт вылет ближайшим рейсом доложить СБМ⁵ зпт ясность подтвердите ПИКУС»⁶.

– Да, как то странно, без объяснений... – начал неуверенно сочувствовать начрации, но Гринёв остановил его:

– Перестань ныть. В Службе безопасности мореплавания объяснят. Позови помполита, а через десять минут – старпома. Свободен. Дай РДО с подтверждением.

Вошёл заспанный помполит. Гринёв протянул ему радиограмму:

– Признайся, твоя работа?

– Зачем ты так, Григорич? Два года вместе работаем. Я бы сказал прямо, если что не так, – помполит нарисовал на своём лице обиду и правдивый, искренний лик!

⁴ РДО – радиограмма.

⁵ СБМ – Служба безопасности мореплавания.

⁶ Пикус Георгий Иванович – Зам. нач-ка ДВ пароходства по флоту.

– Да, ладно тебе! От тебя что ждут? Негатив! Хвалить людей тебе нельзя, тут же слетишь с должности за панибратство или за что там у вас снимают: «За необъективную оценку», так, что ли? Вам нужно такую эмблему носить, какую носили опричники Ивана Грозного: ослиные уши и собачью морду – всё выслушиваем и вынюхиваем! Короче, я сейчас буду передавать дела старпому, а ты помоги мне, пожалуйста, – съезди в городские авиакассы и возьми мне билет на сегодняшний рейс во Владивосток...

Оставшись один, Гринёв задумался: что бы это означало? «Срочная» радиограмма, «срочно» сдать дела старпому... Ну, даже, если там лопнуло терпение в Службе мореплавания из-за многочисленных наветов и клеветнических кляуз, им проще было послать на замену капитана с приказом по Пароходству в руки, где всё было бы расставлено по местам. А тут? Что за спешка? Непонятно...

Был у капитана Гринёва один природный штришок: в общем-то симпатичный, холёный мужчина, но глаза у него были с таким прищуром, как будто вчера он перебрал спиртного... Из-за этого, в начале карьеры к нему возникали вопросы по поводу употребления спиртного, но потом эти вопросы отпали. По-видимому, татарские гены у Гринёва были выражены более ярко, чем у всех остальных русских. Фамилия Гринёв-Исупов (а в прошлом, видимо – Юсупов) подсказывала разгадку его, узко прорезанных глаз и происхождения. Для этой разгадки далеко ходить было не нужно: отец из Ка-

зани и окончил Казанский Университет, архитектор. Чекистам, например, стало всё ясно ещё в тридцать восьмом: татарский аристократ! И отец исчез навсегда.

Как выжил и стал капитаном Гринёв-Исупов младший – это знали только он и его семья. Ибо в сталинские времена человека с двойной (А, стало быть, – дворянской!) фамилией мог пнуть любой дворник. То же самое было и в советском офицерском корпусе.

Рука потянулась к буфету, где стоял коньяк, но потом опустилась: «Нетушки! На рюмке меня не поймаете, клязники чёртовы», – подумал он.

В аэропорту он нос в нос столкнулся с капитаном, которого хорошо знал. Оказалось, что он прилетел принимать дела у Гринёва! Что и почему он ничего толком не знал. Он только, краем уха, услышал в СБМ (Службе безопасности мореплавания), что Гринёв снят с судна по требованию Комитета госбезопасности... И направляется... в их распоряжение на неопределённый срок...

Что ж! Сроки у них были стандартные – десять лет! Которые – с правом переписки, те вернулись. Которые – без права переписки – те расстреляны.

В самолёте на Гринёва накатила такая волна, что стало ему всё безразлично: «с правом» обернётся или – «без права»... Лишь бы скорее обозначилась какая-то определённость...

В голове прокручивалась вся жизнь. И ничего такого,

за что его нужно арестовывать он не обнаружил в своей довольно схематичной капитанской жизни, какой является судовая жизнь и работа долгое время в замкнутом мужском коллективе.

Во Владивостоке, на выходе с лётного поля Гринёва встретили два молодых человека:

– Вы капитан Гринёв-Исупов? А мы к вам с приятной новостью! Вы уж простите за конспирацию, по другому нельзя. Вас пригласил президент КНДР, товарищ Ким Ир Сен прибыть в Северную Корею по его личному приглашению. Назначена дата приёма. Срок поджидает. А газеты не должны ничего писать до завершения приёма, иначе будет повод для недовольства со стороны корейских дипломатов и расценено как наш нажим или подсказка. Пройдёмте в ВИПзал, там вас встречает ваша жена Раиса Ивановна!

– Вас материть или благодарить? Ведь можно было дать намёк или позвонить на судно? Я за это время – неизвестности – мог получить инфаркт!, – Гринёв разозлился по настоящему.

И тут же он всё вспомнил, что произошло в Северной Корее двумя месяцами ранее:

Они стояли в корейском порту Вонсан и грузили соль назначением на Магадан. Да, да, вот такой был предмет экспорта из Северной Кореи – соль, наверное потому, что корейцам больше нечем было рассчитываться за нашу «бескорыстную» помощь.

Как-то ранним мартовским утром, в скукоте и в тяготе не у команды пришло решение съездить в местный интерклуб, больше никуда не пускали. Пропуска для схода на берег выдавались только пятерым членам комсостава. Но в интерклуб, под присмотром местных чекистов, разрешалось выезжать организованно всему экипажу, возглавлять который должен был сам капитан.

Команда попросила капитана Гринёва отвезти их в этот балаган, там хоть пивка на валюту можно купить, да советский старый фильм покажут, других у них не было.

Гринёву очень не хотелось ехать и он согласился с условием, что сопровождающий их чекист сразу, этим же автобусом, отвезёт его назад, на судно.

Однако, в интерклубе выяснилось, что автобус уже ушёл на другое судно, а молоденький офицерик-чекистик не отваживался покидать пост наблюдения «за иностранцами», которыми являлись на тот момент русские моряки. Тогда капитан Гринёв строго приказал офицеру произвести обмен капитана на старпома, оставшегося на судне, согласно Уставу. Ибо он не может прохлаждаться в интерклубе, когда корейские товарищи ждут его, чтобы подписать коносаменты на груз.

Против строгости чекистик не совладал и он стал вызывать по телефону автобус. Капитан отобрал у него трубку, повесил её на место и объяснил офицеру, что это расстояние до судна – менее километра – они пройдут за десять минут, если пойдут бережком, напрямки. Судно видно даже отсюда!

Офицерику нечем было крыть и он, после колебаний, согласился.

Пройдя пол дороги берегом замёрзшего залива, они, вдруг, услышали детские крики и увидели две детских головки, торчащие из полыньи в пятнадцати метрах от берега. Дети пытались выбраться на талый лёд, но он проламывался под весом их тел...

Офицер сбросил шинель и побежал по льду к полынье. Однако, через пять метров он провалился до пояса в воду. Он, беспомощно оглядываясь, повернул обратно, к берегу, глубина не позволяла офицеру двигаться к полынье.

А в это время капитан Гринёв уже метнулся вдоль берега, нашёл вмёрзшую в припай доску, выломал её и пополз к полынье, толкая доску впереди себя...

Дети оказались очень понятливые. Старшая подтолкнула младшую, а когда Гринёв выволок её на лёд, уцепилась за доску сама. До самого берега все трое ползли на животе, держась за доску, лёд под ними прогибался и выступала вода.

На берегу всех четверых колотила дрожь, не попадали зуб на зуб. Гринёв закутал в свою меховую куртку одну девочку, офицер – в свою шинель – другую и они побежали к ближайшей частной хибарке, на берегу залива.

Испуганным хозяевам офицер сбивчиво прояснил ситуацию, а сам, переодевшись в хозяйскую одежду, побежал звонить «в полицию» (!), как он сказал, (вместо «скорой»)!

Нищета в хибаре была вопиющая, но хозяева извлекли

откуда-то то ли «ханжу» (китайская водка пятьдесят градусов крепостью, на травах, со специфическим запахом лекарства), то ли ещё чего-то спиртовое с резким запахом травы и стали растирать всех троих. Капитану налили пятьдесят граммов этой же гадости – выпить, что он и сделал, едва не задохнувшись.

А потом долгая тягомотина в полиции завершилась лишь после звонка Гринёва своему агенту, который смог отбить Гринёва у целого десятка бдительных офицеров разных ведомств.

Кроме своих, на судне, никому, ничего Гринёв рассказывать не стал.

Однако, перед отходом судна из порта ему доставили местную городскую газету со снимком его, в полиции, и подколотым переводом статьи на русский язык. Там было чёрным по белому описано всё, как оно было и добавлено от, якобы, самого Гринёва: «Когда я полз по прогибающемуся льду, я думал о товарище Ким Ир Сене и это помогло мне не провалиться под лёд и спасти девочек-погодков 7 и 8 лет от роду!» (!?) На судне только посмеялись над таким умозаключением. А – зря...

Позже Гринёв сообразил, что, когда он полз практически по воде, у него возникала мыслишка только другая, отнюдь не связанная с товарищем Ким Ир Сеном: «не отморозить бы своё достоинство!». Всё это Гринёв вспомнил по пути в ВИП-зал, к жене...

...А далее всё раскручивалось, как в фильмах о чекистах: его передавали из рук в руки, вручили ему билет и «явки» до Иркутска, в Иркутске – до Пхеньяна, где его встретили наши, посольские и поселили в роскошный номер гостиницы с труднопроизносимым названием.

Они проинструктировали Гринёва «от и до», как себя вести и дали выучить текст ответного слова КИСе на русском языке, потому что КИСя (так мысленно прозвал Гринёв Ким Ир Сена, для краткости!) по-русски чешет, как на родном! И наказали ждать примерно два дня, о дне и времени встречи они сообщат и сами отвезут, куда надо. Дали корейские воны, но наказали из номера, лучше всего, далеко не отлучаться и при этом указали перстом вверх: ЧеКа – везде ЧеКа. Чего ж тут непонятного? Научены, у себя, дома...

А в номере гостиницы, что делает перво-наперво человек? Правильно! Заглядывает в холодильник! В холодильнике лежали какие-то баночки, скляночки, стояла минеральная водичка, но всё подписано по-корейски и не было чего-то родного и – главного!

Посмотрев на потолок, Гринёв громко произнёс: «Эх, сейчас бы холодненькой русской водочки, да под рыбную чёрную икорочку, можно под – красную! Ну и горячую, прямо с гриля, курочку, под холодное пиво! Пойду ка я минут эдак на тридцать, прогуляюсь вокруг гостиницы, а то – сигареты хорошие, импортные, закончились!»

А перед выходом из номера Гринёв осмотрел ещё туа-

лет и спальню. В спальне он, неожиданно для себя брякнул: «А на такой роскошной постели одному вообще-то и потеряться можно!». Но, вдруг, вспомнив наказания, посмотрел в потолок и громко добавил: «Шутка!»

Сделав два круга вокруг гостиницы, Гринёв вернулся в номер и... стал потирать руки!

На столе стояло всё вышеперечисленное плюс, от себя, была добавлена нежнейшая сёмга, салат из крабов и груда овощей и фруктов. В холодильнике стояли три бутылки: «Столичная», коньяк с «Аистом» (Молдова!) и корейское вино. Ну, как за таким столом сидеть одному, – уму русскому (с татарскими корнями!) – непостижимо! А – придётся, ибо инструкция – это для дисциплинированного капитана Гринёва – Закон. Поэтому, он как Гагарин, сказал: «Поехали!», чокнувшись рюмкой с зеркалом.

А через два дня его, «галопом по Европам», привезли в зал Народного Собрания, где вышел маленький, толстенький, старенький то ли КИСя, то ли ещё кто-то за него, приобнял Гринёва и повесил на шею Гринёву ленту с орденом. При этом, он сказал что-то громко по-корейски и тихо по-русски: (Значит точно – КИСя!) «Корейский народ высоко оценил ваш подвиг и награждает вас высшим корейским орденом. Отныне вы – всегда Почётный Гость нашей страны!». И вручил ему коробку со вторым экземпляром ордена, для повседневной носки на лацкане пиджака. (Таким «тяжёлым» орденом Гринёв был награждён не просто так, с бухты-ба-

рахты. За какие-то выкрутасы Ким Ир Сена вызвали в Москву, «на ковёр». И он решил подстелить себе «соломки» жестом доброй воли к рядовому россиянину – Гринёву, а повод подвернулся достойный!)

«А вот отсюда – поподробнее!», – сказал бы Гринёв КИСе, если б знал, как станут важны для Пароходства, а, стало-быть, и для Страны именно последние слова КИСи о «Почёте при гостевании!».



Высший орден КНДР, вручённый капитану Гринёву

Прошло менее полугода и капитан Гринёв-Исупов получил в Магаданском порту снова «Срочную» из Пароходства!

Но тут уже реакция Гринёва была совсем другой, без пачки сигарет и коньяка. Было только удивление: «Что там КИ-Ся, запамятовал, что ли? Что уже один раз наградил. Соску-чался, что ли?!», – раздумывал Гринёв в самолёте из Магадана, как и прежде передав дела старпому.

Но, тут был уже другой коленкор! И тут было не до объятий с товарищем Ким Ир Сеном!

В порту Вонсан корейские докеры бастуют уже две недели на погрузке РУССКИХ судов, которых скопилось в порту уже четыре и все простаивают на рейде! Их даже не ставят к причалу!

Горят контракты «Продинторга»! Суда должны обеспечить пол страны корейскими яблоками и цементом! А ещё на носу – Северный Завоз!

Причину докеры высосали из пальца: «Русский моряк сапогами топтал корейские яблоки, которые корейские детки, сами не кушают, а всё собирают только на экспорт!»

Требования у толпы докеров написаны иероглифами на плакатах: «Экипаж, во главе с капитаном, должны выйти все на причал и извиниться перед корейским народом, ВСТАВ ПРИ ЭТОМ НА КОЛЕНИ!» Есть, коряво, и по-русски, то же самое!

Капитан судна, где произошёл этот инцидент терпеливо и многократно объяснял закопёрщикам «бузы», что, во-первых, на кране неаккуратно сработал корейский крановщик, а, во-вторых, действует международная форма догово-

ра «ФОБ» (Free On Boat), при котором «Право собственности, РИСК СЛУЧАЙНОЙ УТРАТЫ или ПОВРЕЖДЕНИЯ переходят с продавца на покупателя с момента перехода товара ЧЕРЕЗ ПЛАНШИРЬ в порту погрузки!»! А поскольку, наши моряки не имеют КОНТАКТА с грузом ваших яблок на берегу, то претензии к экипажу необоснованны!

После седьмого захода с объяснениями, капитан указал корейцам на своего политического заместителя: «А теперь объясните вот ему, политработнику, что вы задумали!».

На что помполит, на удивление смело, ответил им так: «На колени? Русских? А ХУ-ХУ ни ХО-ХО?» И показал им «через руку». Слова они поняли приблизительно, но жест поняли конкретно!

После такого разъяснения все русские суда оттащили на рейд, а иностранцев демонстративно продолжали грузить!

Вот тут-то в Пароходстве и вспомнили о Герое Кореи, Кавалере Ордена Государственного Знамени, Почётном Госте Ким Ир Сена! (Всего два россиянина были награждены столь высоким орденом: Леонид Ильич Брежнев и Игорь Григорьевич Гринёв-Исупов!)

Во Владивостоке, в Дальневосточном пароходстве Гринёва сразу принял «Мозг» Пароходства – Георгий Иванович Пикус, заместитель начальника Пароходства, на котором «висел» весь флот, двести судов! В те времена не было ещё ни персональных компьютеров, ни стационарных, но в ДВ Пароходстве таковой был! Это – Георгий Иванович Пикус!

Обрисовав, «патовое» положение в корейском порту Вонсан и политическую ситуацию с Кореей на данный момент, он, чистокровный одессит, не без юмора, обобщил:

– Раз ничем не могут помочь нам большие инстанции, МИДовцы и Внешторг, то мы твоего товарища Ким Ир Сена возьмём «с торца» – зашлём ему нашего «казачка»! А кто будет этот «казачок»? Правильно! Герой и Кавалер ордена Кореи Игорь Григорьевич Гринёв-Исупов, аристократ в Седьмом Колене!

Игорь Григорьевич Гринёв слушал и хмурился, как тот герой актёра Роллана Быкова, которому не дали доиграть «Утренники», в фильме «Мёртвый сезон» и послали в самое пекло!

– Теперь вопрос: как максимально быстро «заслать казачка»? Делать визу? Долго. А якобы, сделать замену «провинившемуся» капитану – как раз то, что требуют корейские «патриоты»! Итак, первое же судно южного направления, а это – завтра отходит в рейс теплоход «Шилка» и сделает заход в порт Вонсан, якобы, – «для пополнения запасов пресной воды», а Герой Кореи возьмёт в это время «быка за рога»! Строго! Вплоть до угроз пожаловаться напрямую Президенту Ким Ир Сёну! Ну, как, мой проектик?

И, не дав очухаться Гринёву: «Тогда – к бою, Герой!» И Георгий Иванович тепло распрощался с Гринёвым, проводив его до самой двери кабинета. – А сейчас давай в СБМ и в кадры, к Лусте. Там есть приказ о направлении тебя в за-

гранкомандировку с выплатой командировочных и суточных в валюте. С оказией вернём домой. Звони мне в любое время.

На третий день, свежим утром, прибыли в порт Вонсан на рейд. По указанию «Порт-Контроль» встали на якорь рядом с уныло «припухавшими» собратями из Пароходства.

Тут же к «Шилке» резво подскочил катер, переполненный агрессивно настроенными властями разных мастей... Чтобы, значит, огорошить очередника обструкцией! Но!

Но! И ещё раз – Но! Через три минуты вся эта «хевра», спотыкаясь, пятилась задом по парадному трапу на свой катер, держа при этом правую руку «под козырёк», а потом дали полный ход и помчались на берег в полностью ошарашенном виде, сообщать всем по инстанции о невероятном событии: на борту судна – Герой Кореи, с таким же орденом НА ЛЕНТЕ, каким награждены были только некоторые, дружественные Президенты! Выходило, что на борту «Шилки» – «Птица», равная по полёту Президенту!

А на верхней площадке парадного трапа остался одиноко стоять Игорь Гринёв, в блеске парадной формы, с двумя экземплярами (на ленте и на груди) высших наград КНДР. Он вышел встречать властей и успел всучить убегающему агенту свою визитку и сообщить, что у него – постоянно действующее приглашение Президента.

По тому, что с борта «Шилки» увидели в бинокли на причале, можно было представить, что заключительная сцена

в гоголевском «Ревизоре» не годилась и в подмётки увиденному, ибо в той сцене была протрация, шок. А здесь – мы видим последствия первого шока – мельтешение на причале, как в ускоренной киносъёмке: там строились в колонны с флагами и поднимали флаги расцветивания!

Похоже было на заготовку для приезда Самого Президента Кореи!

Когда, наконец, Гринёв с сопровождающими его лицами – капитаном теплохода «Шилка» и его помполитом спустились в подошедший к борту парадный, украшенный красными дорожками катер, там все застыли по стойке «смирно», как истуканы, держа руку «под козырёк». Агент стоял вместе со всеми, бестолково держал руку «под козырёк», хотя был без головного убора: он не смел его надеть!

Наши ребята переглянулись: такого идолопоклонства им, Слава Тебе Господи, встречать не доводилось. А, если такое и было, то – при Сталине, но тогда им было по девять лет.

На причале их встретил, представился и отрапортовал Глава провинции Конвондо. Он провёл Высокого гостя (раз у него такой же орден, как у Брежнева, значит – это «Шишка» – так рассудило Руководство провинции) вдоль выстроившихся, застывших в экстазе колонн бунтарей (Ну, бля, суки, держитесь! Я вам побунтую! Я вам это «яблоко раздора» в задницу запихаю! – мстительно распался Гринёв, шагая рядом с Первым.). Он представил, что тут испытали экипажи судов перед лицом этих бедных, зомбированных людей,

науськанных на русских... Делают «образ врага» отвлекают от проблем... Наверное поэтому наше Правительство обеспокоено ситуацией в Корее. Политика...

В Резиденции была суматоха. Переодевались. Развешивали таблицы достижений и транспаранты типа «Догоним и перегоним!». Накрывали стол.

За столом первый тост Гринёв произнёс за... (чуть не сорвалось: «За КИСю!») товарища Ким Ир Сена и корейский народ! Второй – по-кавказски, с выкрутасами, за дружную работу на наших судах во имя и потому что! Фу! И Гринёв сделал маленький глоточек: политес!

Все присутствующие, все десять человек вточности повторили его жест.

Перед отъездом в гостевой дом, Гринёв пожелал осмотреть порт и убедиться, что там все работают и от докеров претензий нет.

В порту лихорадочно кипела работа. Два судна грузили, два других оканчивали швартовку к причалам.

Поразительно то, что Гринёв, кроме тоста в присутствии Руководителей провинции и порта не произнёс ни слова о простое наших судов и конфликте с докерами.

Он лишь вежливо попросил Главу провинции и его партийного секретаря словами из мультика: «Как сказал кот Леопольд: «Ребята, давайте жить дружно!»

После перевода (Кот куда-то пропал!) все руководители и гости согласно закивали головами. Слова товарища Лео-

польда им понравились.

«Очень мудрый Руководитель товарищ Леопольд!» – сказали они в ответном слове.

Все последующие рейсы в порт Вонсан Игорь Григорьевич, инкогнито от властей, одаривал подарками своих «крестниц», в память о том, «свежем» утре...

И через пять лет и через десять – на причале порта Вонсан теплоход «Уссури» всегда, в любую погоду, встречали две маленькие женские фигурки с крошечными букетиками цветов в руках...

Агент сообщал им о приходе капитана Гринёва – персонально!

И это было дороже орденов – на ленте и – без.

Эпилог

Но последние десять лет не приходит больше в порт Вонсан теплоход «Уссури» и капитан Гринёв-Исупов.

Две корейские женщины уже не одни, а с детьми спрашивают русских моряков:

– Где же корабль «Уссури» и капитан Гринёв? Мы ждём его. Когда и на каком корабле он снова придёт в Вонсан?

Но русские моряки грустно и непонятно отвечают:

– Теплоход «Уссури» по старости списали... А капитан Гринёв ушёл в такое дальнее плавание... из которого не возвращаются никогда...

Рождественская быль

Фрагмент из повести «Окурки»

В детстве у меня не было детства.
Антон Чехов

В один из рождественских дней 1942 года в оккупированном Таганроге восьмилетнего беспризорного Антошку на улице Карантинная, где квартировали немецкие летчики, подозвал к себе обер-лейтенант по имени Вальтер. Это было не в первый раз, Антон его знал.

Вальтер был, как обычно, слегка навеселе и сентиментально настроен: достал из нагрудного кармана фотоснимок двоих своих детей и стал объяснять, что сын его Вилли такого же возраста, как и Антон, а девочка Эльза на два года младше и что он их давно не видел и по всему, так складывается, что вообще вряд ли увидит. Летает он на Сталинград. А там сейчас – «комси-камса»! Вальтер сделал при этом жест: два пальца вилкой, упёртые себе в кадык!

Размякнув от собственных минорных чувств, Вальтер одарил Антона столбиком леденцов и наказал прийти завтра, за час до наступления комендантского часа, к офицерскому клубу и вызвать его через часового, которого он, Вальтер, обязательно предупредит. И тогда Антон «будет иметь много подарков от Вальтер! Антон запомнит лётчик Вальтер на весь

жизнь, Вальтер любит киндер, не любит война!...»

Антон знал этот офицерский клуб для лётного состава, он был «у чёрта в турках», на краю города, по дороге на аэродром.

Наобещал нетрезвый лётчик или впрямь решился на богоугодное дело, ежедневно играя со смертью, рядом со Всевышним, но надежду в душу Антона он заронил: «А вдруг Вальтер запомнит обещание, он всегда такой добрый!»

Антон пришёл ко входу в клуб и кое-как объяснил часовому, что ему нужен обер-лейтенант Вальтер. Часовой недовольно развёл руками: офицеров по имени Вальтер в клубе столько же, сколько в русском клубе для лётчиков – Иванов, если бы у русских лётчиков таковой клуб был.

Однако, из главного входа вышел, пошатываясь, именно тот самый Вальтер.

– О, Антошя, коммен зи гер! – он схватил Антона за шиворот и потащил по лабиринту коридоров к запасному выходу у раздевалки. Наказал ждать.

Антон огляделся: вдоль стен висели кожаные, на меху, лётные куртки-регланы и кожаные пальто. В раскрытые двери был виден заставленный столами зал, из которого доносился шум большой мужской кампании. Мимо пробежали русские девчонки-официантки с подносами в руках, заставленными едой и рюмками: офицеры дружно отмечали Рождество.

Для них, видно, предназначались и импровизации песен

из зала, прерываемые гоготом: «Марийка, Марийка, капут твоя машинка» на мотив «Роземундо» и «Вольга, Вольга, муттер-Вольга» на мотив песни о Степане Разине.

В просвете второй двери, в клубах табачного дыма были видны лётчики, сражающиеся на бильярде и играющие в карты.

Появился Вальтер с крафт-мешком в руках, на две трети заполненным снедью, показал Антону: загляни!

О, Боже, чего там только не было! Колбаса, конфеты, шоколад «Ван Гуттен», датское печенье, а сверху источали аромат ромовые бабы!..

Антошка, конечно, ни в той, довоенной жизни, ни в этой, на изморе, не видел таких диковин! Но одно то, что всё это предназначено ему... это было рождественской сказкой, далёкой от реальной жизни... Но, оказалось, это ещё было не всё!

Вальтер вдруг стал шарить по карманам в офицерских куртках и регланах. Он быстро и ловко опоражничивал карманы и бумажники, располовинивая пачки рейхсмарок (большие деньги по сравнению с оккупационными марками, один к десяти). И всё это он заталкивал Антошке за воротник, на спину!

Антошка обомлел! Уносить чужие деньги он не смел, это было воровство, за которое немцы расстреливали на месте... А в назидание ежемесячно вешали пятерых на базарной площади!

А как избавиться от этих денег закутанному в рубище до глаз Антону? Беда...

Чуть не плача, Антон пытался объяснить всё это Вальтеру, искренне довольному своей затеей. Но тот лишь хохотал и махал рукой в сторону игорного зала: дескать, они всё равно всё спустят в карты, пропьют, а завтра их... собьют русские.

Вальтер вынес мешок на улицу, прикрикнул на часового: – Керт аух! Абтреттен!.. Зер гут! (Кругом! Марш! Хорошо!)

– Ауфвидерзеен! Гут Кристмас! – сказал он Антону и скрылся в двери, оставив его с мешком, как каторжника, прикованного к ядру...

Оскорблённый часовой зло поглядывал на Антона, размышляя, что бы это значило и что тут можно предпринять, чтобы отобрать мешок.

Антошка понял намерения часового и, пятясь, волоком потащил мешок на другую сторону улицы, в темень. На всякий случай он выхватывал из мешка всё, что попадалось под руку, и глотал почти не жуя неслыханного вкуса лакомства. С чувством удовлетворения: из желудка отнять смогут только с жизнью.

«Добраться бы скорей до ближайшего дома, наступил комендантский час! Авось пустят переночевать с таким-то мешком».

Конечно, глупо было надеяться проскочить мимо патру-

лей в зоне военного объекта особой важности – аэродрома. В комендантский час, в прифронтовом городе, забитом войсками, спешащими на помощь, под Сталинград...

Но, если повезёт, то это... Рождество, одним словом!

Антон, не веря своим глазам, увидел прямо перед собой малыша с санками, на которых тот вёз какие-то дровишки.

– Хочешь настоящее пирожино? – спросил пацана Антон и поднёс под простуженный, сопливый нос мальчика кусочек кекса.

– А ты не брешешь? – спросил малец, но, спохватившись, быстро добавил: – Хочу!

Малец по имени Сашко безоговорочно согласился везти такой мешок на его санках хоть на край света, заглотнул *пирожино* и попросил добавки.

Подъезды к военному аэродрому охранялись особо тщательно, но лётчику Вальтеру это было безразлично и мало тревожило. Его в какой-то момент охватило мистически острое желание сделать добро, ублажить Бога! Авось ему, Вальтеру воздастся, и сохранит ОН его и в небе, и на земле!

Что касается Антошки и Сашко, то какие уж там предосторожности, когда на санках лежит столько добра! Когда одному восемь, а другому шесть, годы, в которые жизнь окроплена святым чувством безопасности, уходящим со временем, взамен на постылые житейскую мудрость и смекалку...

За перекрёстком дорог начались застройки хозобслуги, и Сашко поковылял позвать на помощь старших.

Антон вышел с санками на перекрёсток, но тут раздался рокот машины и, словно из засады, – яркий луч света и короткие, по три выстрела, автоматные очереди в брусчатку.

Антону почудилось, что его обдаёт тёплым воздухом от мелькающих перед глазами светляков, стреляли трассирующими. Бросив санки с мешком, Антон упал и покатился в придорожный кювет.

Выстрелы прекратились, скрипнул снег под сапогами, луч фонаря, скользя по мешку, остановился на Антоне.

– Хэндэ хох!

Поднимая руки, Антон похолодел от ужаса! От его движения немецкие марки за спиной стали проваливаться куда-то вниз...

Если сейчас на снег упадёт хоть одна бумажка рейхсмарок – всё! Застрелят на месте. Не станут же они делать очную ставку с офицером германских ВВС! И разве он подтвердит, что крал деньги у господ офицеров для малолетнего бродяжки из покорённого народа!

Чтобы офицер воровал деньги! Воровал под влиянием накатившего чувства христианского всепрощения? Чушь!

Двое патрульных подвели Антона к мешку, осторожно развернули смёрзшуюся бумагу и заглянули внутрь. Поковырялись. Потом, вполголоса, как заговорщики, как будто Антон мог их подслушать, засовещались. Находка их явно озадачила!

Такие яства недоступны даже им, солдатам СС! Они мог-

ли принадлежать только высокому лицу и могли быть уже в розыске, ясно, что перед ними – малолетний вор!

Дисциплинированные немцы скорее всего не могли себе позволить и присвоение мешка. А вдруг этот мешок выронен из офицерской машины и киндеры просто подобрали его? Ведь для кого-то готовили его, не с неба же он свалился!

Долго мучиться патрульным не пришлось, к ним подскочила машина комендатуры и увезла Антона вместе с мешком для установления обстоятельств дела.

Переводчика в комендатуре не оказалось, и дежурный офицер велел позвать из кочегарки истопника из русских, из хозобслуги.

Им оказался Ванька Жуков, который знал по-немецки немногим больше Антона, а потому сделал вольный перевод, отсебятину.

Мол, киндеры нашли мешок на дороге в аэродром, ясно, что потеряли его пьяные лётчики, они сейчас гуляют всюду, и только они получают такие пайки!

Когда сообразительный дежурный офицер перевязал мешок шпагатом, вызвал рассыльного и стал писать ему свой домашний адрес, Антон решил избавиться от рейхсмарок. Он сбивчиво, волнуясь, зашептал на ухо истопнику о том, что у него за спиной куча денег и надо срочно вывести его, Антона, в туалет, чтобы выбросить этот, смертельно опасный подарок Вальтера! Ванька Жуков, по прозвищу Жук-Щипач, бывший вор-карманник, был парень непромах. Он быстрым

движением руки по антошкиной спине оценил правдивость признания мальчика и прямо засиял от такой приятной новости.

В каких словах и выражениях он уговаривал дежурного офицера отпустить мальчика с собой, Антон не понял, но, офицера, по-видимому, это вполне устраивало.

Ванька Жук быстренько и осторожно спустил Антошку в кочегарку, раздел его и ахнул! Ахнули и двое других истопников, находящихся при исполнении, у котлов. Огромный ворох рейхсмарок тут же поделили на три кучки. Жука послали за самогоном, а Антона накормили своим пайком и уложили спать.

За стаканом самогона истопники дали друг другу клятву о неразглашении тайны. Чтобы не повесили всех троих, решили держать Антошку при кочегарке, кормить его собственными пайками вплоть до окончания войны! Ибо припёр Антошка жалованье в рейхсмарках чуть ли не целой фронтовой эскадрильи...

Спасибо тебе, дорогой лётчик Вальтер! Благодаря тебе Антон выжил до прихода наших! Ты сделал то, что хотел: он запомнил тебя на всю жизнь!

1942—2012 гг.

Страшный Отто

В детстве у меня не было детства.
Антон Чехов

Летом 1942 года я оказался беспризорным в оккупированном немецкими войсками городе Таганроге (юг России, Ростовская область). Отец – на фронте, мать попала в облаву и немцы увезли её под Ростов на рытьё противотанковых рвов. На этом участке фронта, а Ростов дважды «переходил из рук в руки», был временный успех наших войск и мать оказалась по ту сторону фронта, на нашей стороне... не в лучшем положении. Ибо всех «пособников фашистам», рывших траншеи, увезли под конвоем на стройки военных заводов, где они работали вместе с З/К (заклѳѳенными).

В городе начался голод. Промышлять еду у своих было бесполезно, поэтому я околачивался возле домов, где «на постое» у старух проживали немецкие солдаты. Понятие – «враги» отсутствовало, ведь мне было всего семь неполных лет. Было только одно различие: «добрый» или «злой» и постоянно хотелось кушать. Но, если помыть солдату котелок, то он специально оставлял немного пищи... Сводить битюгов-лошадей на водопой, то в намордниках у них оставалось немного, если хорошо вытрусить, – овса. А бабушке, если настругать с вечеру щепы на растопку самовара и летней печ-

ки, то она поделится мамалыгой, а то и – просяным хлебцем чуток...

Где-то, помогая бабусе, при заготовке щепы я поранил ладонь правой руки – загнал «занозу». Через неделю рука распухла. Бабулька смазала мне руку ихтиолом и замотала тряпкой. Но, пошло уже на вторую неделю, рука почернела и спать я уже не мог. Я дремал и стонал у водоразборной колонки, держа руку под струёй холодной воды...

Рука к тому времени уже посинела до локтя.

И тут к колонке подошёл немецкий солдат с ведром. Он взял меня за руку, посмотрел и – ужаснулся. Он отбросил ведро, схватил меня, ничего не понимающего, упирающегося, за шиворот и потащил во двор к палатке. Солдат вызвал какого-то Отто (думается, это было имя) и из палатки вышел великан заспанный, рыжий и в круглых очках... Они возбуждённо очём-то поговорили. А после этот Отто (царство ему небесное!) зажал мою руку между своих ног таким образом, что я оказался сзади него – так делают кузнецы, подковывая лошадей... И начал делать с моей рукой такое, что я орал на весь двор и старался укусить этого великана за туго обтянутую сукном ляжку...

Отто командовал, а солдат подносил ему из палатки какие-то причиндалы...

Очнулся я, когда этот страшный Отто давал мне что-то понюхать и подвязывал мне руку бинтом на шею. Он объяснял мне, как мог, на пальцах, а я уже чуть-чуть понимал

и по-немецки, что ещё бы один день и моей руке, или даже мне был бы – «капут!»»

Прошло семьдесят лет. Но, каждое утро под струёй воды я вижу шрам на ладони и думаю: «Спасибо тебе, дружище, хотя ты такой – с виду – и был очень страшный... Я потом за тебя молился...»

1942—2012 гг.

Митрофанушка К сожалению, былъ

Не хочу учиться, а хочу жениться!
Денис Фонвизин

Двое суток после прихода из рейса, положенных на отсыпку и похмелку, не дали. Только пришвартовались, на борт сразу поднялись почти все службы и партком. Что случилось? Экипаж был озадачен. Вроде никто из ЦК в последнее время не окочурился, приспускать флаг не требуется...

Рейс к берегам Канады, на Большую Ньюфаундлендскую Банку для приёмки свежего окуня с промысловых судов сработали досрочно, с претензией на премиальные... А тут – какие-то непонятки, намёки...

Капитан производственного рефрижератора (ПР) «Братск» Михаил Ефимович Щеголютин ходил всегда в передовиках и был ветераном рыбной отрасли Калининграда. За что и «презентовали» его новеньким, прямо с верфей Копенгагена в Дании судном – морозильщиком «Братск».

Поднявшиеся к нему в каюту главный капитан Прозоров и его заместитель, тоже капитан дальнего плавания, Валентина Дмитриевна Назарова имели озабоченный и загадочный вид, И не торопились с разъяснениями.

Капитан Щеголютин славен был олимпийским спокой-

ствием, все эмоции спускал двумя-тремя закрученными тирадами русского народного сленга. Но! Только в своей каюте и, упаси Боже, не в святом месте – на капитанском мостике, в рулевой рубке.

Главный капитан был даже покруче капитана Щеголютина по части спокойствия, он был просто непробиваем. И его любимый постулат был: «Всякая бумага должна вылежаться, а коль – пожелтела, так – в урну её, не читая!». И, несмотря на всякие «заходы» Щеголютина, только нахмуренно сопел, сохраняя загадочность.

Поговорили о делах в рейсе, о том о сём, но когда коснулись о перспективах на следующий рейс, тут-то Валентина Дмитриевна и «раскололась» о причинах суматохи: ПР «Братск» министром рыбного хозяйства направляется в Африку, в экспериментальный рейс для приёмки и обработки *лангустов*, предназначенных для *кремлёвского* спецраспределителя. Вместе с «Братском» выходит группа средних рыболовных траулеров (СРТ) из пяти судов для добычи этих самых лангустов. Рейс будет – валютный, с четырьмя заходами в Сенегал (порт Дакар) и в Гибралтар, на обратном пути, для «отоваривания»... Кредитное письмо выдадут капитану «Братска» «от порога до порога», а сопровождающим его рыбакам – по обычной смете: только за переходы с промысла в импорт и обратно. А поскольку группе СРТ заходы в импорт не планируются, то они получают поощрительные чеки ВТБ (Внешторгбанка, называемые в морском народе –

фантиками) «за участие в производстве деликатесной продукции».

Ба! Такого ещё сроду не бывало: чтоб платили валюту повремени, за весь рейс «от выхода из порта до прихода в порт»! «Хто ж это такой благодетель и чего ради?» Вот – вопрос и он пока без ответа... А ответ не глубоко закопан. Он – в сыночке Митрофанушке...

Но! Самое главное! Провожать «Братск» в рейс прибыл замминистра МРХ Семёнов Игорь Митрофанович.

И – ещё раз но! Он прибыл не один, а в сопровождении жены и сына Митрофана, семнадцати лет от роду, которого он отправляет в этот рейс мотористом...

ПР «Братск» будет стоять в порту в ожидании, пока министерскому сыну Митрофану оформят визу и загранпаспорт. А тем временем и «зачистят» экипаж от «невыездных», имеющих визу только в рейсы без заходов в инпорты и недостойных валютного рейса.

Пункт Устава работников МРХ, в котором начертано: «Экипаж набирает капитан судна, либо отдел кадров *с его одобрения*» – сказка для белого бычка. Экипаж подбирает отдел кадров и партком. И тот, и другой – с одобрения... КГБ. И до самого момента отдачи швартовов капитан не ведает: с кем он пойдёт с риском для жизни делить радость и невзгоды...

После выгрузки судно поставили в Индустриальную гавань торгового порта, где непосвящённому наблюдателю от-

крывалась такая картина: до обеда по трапу поднимался имярек с сияющим фэйсом и с чемоданом в руке, а после обеда этот же имярек спускался по трапу с погасшим фэйсом и наполовину опустевшим (водку-то «распрезентовал» сдуру!) чемоданом, а навстречу ему поднимался другой имярек с сияющим фэйсом и чемоданом в руке. У этого, второго, оказалась «лапа» мохнатей! Или успел настучать на первого! Глухая борьба шла уже неделю, и у всех членов команды чемоданы стояли у дверей наготове, а документы лежали в кармане: а вдруг в это самое время на площади Ленина (в прошлом – «Адольф-Гитлер-Плац») в особняке, где вплоть до Победы располагалось Гестапо, хтось, читая его секретное досье, ставит на нём жирный крест красным карандашом: «Не рекомендуется!»

И только два члена экипажа выражали неопиcуемый восторг и тайную значимость: стармех Девиси Кириллович Картозия и помполит Марк Максимович Щербак (по кличке «Крыса» – за его повадки и внешнее сходство: два маленьких глаза, суженные к переносице, под густыми бровями, и «острый», чуткий носик).

Прижатые капитаном, они сознались, что были представлены в парткоме мужеподобной даме, со следами бурной жизни на лице и суровыми манерами министерши, которая распорядилась взять опеку над её несовершеннолетним сыночком Митрофаном *«под личную ответственность»*. Оба заверили даму, что волос не упадёт с головы мальчика

(в 17 лет-то!), а комфортная жизнь на судне ему будет обеспечена, на уровне, как если бы принимали Самого! Замминистра МРХ.

Ни малограмотный стармех-курсик Картозия, с четырьмя классами за плечами, ни бывший партсекретарь свиносовхоза Щербак в руках не держали книг О. Генри, где в рассказе «Вождь краснокожих» есть весьма поучительный эпизод, когда пацан «задал жару» своим похитителям.

А – зря! Тогда б они не ходили гоголями, а предпочли бы даже лишиться валютного рейса, но избежали бы ой многого!..

Говорят, что глаза – «зеркало души». Так вот у Картозия эти – вылупленные, навывкате – *зерцала* в разговоре с подчинёнными выражали нескрываемое презрение, а в присутствии особ рангом повыше излучали сердечную преданность и безмерное уважение. Но со своими механиками он общался как барин, а мотористов просто не замечал. Любимая поговорка у него была: «Вот вы у меня допрыгаетесь – я в машину спущусь!». И это была суцая правда: командовал «Картуз», в основном, из каюты и то – через своего заместителя, второго механика Юру Кузуба.

У помполита Щербака его мутные, водянистые органы зрения выражали одно: «Как бы чего не вышло! Не лишили бы...»

И Картозия и Щербак нутром понимали своё шаткое жизненное положение. Поэтому свалившаяся на них министер-

ская миссия опекать чадо предполагала серьёзное укрепление шатких тылов и карьерный рост.

Второй, грузовой, помощник капитана Антон был важной персоной на судне в том смысле, что разносортный груз по номенклатуре и партиям со сдавших рыбу судов он не только размещал в трюмах, сепарируя партии, но и вычерчивал на огромных листах использованных морских карт – карго-планы, в цвете и пометках, понятных только ему одному. Всё свободное от вахт и подвахт время Антон корпел над этими огромными схемами – карго-планом. Второе его занятие – уже личное, – он ежедневно выполнял несколько упражнений по английскому языку из учебника для неязыковых вузов. Все переборки его каюты были увешаны таблицами неправильных глаголов, времён, памятками и морскими терминами.

Именно за таким занятием Антон услышал за спиной присутствие постороннего. Он обернулся. В проёме открытой двери нерешительно топталось ОНО, чадо, о котором гудел уже весь судовой народ: прибывшие с тайной благодарностью, а списываемые – с проклятьями вслух, как в одесском дворике...

Чадо внешне походило скорее на нежную, несформированную девицу, чем на юношу. Над пухленькими губами и аккуратным носиком на Антона внимательно и вопросительно смотрели два огромных серых глаза.

– Вы занимаетесь английским? – заулыбался белозубый

гость. – Можно к вам? Меня зовут Сэм. По паспорту я – Митрофан, но мне больше нравится – Сэм. А вас – как? – Он вошёл в каюту.

– Проходи. Меня зовут Антон. Второй штурман. Да, для моряка – английский – второй родной. Ни в школах, ни в вузах языка не обучают. Там тянут кота за хвост с грамматикой до полного отторжения. А разговорный в итоге у всех – на нуле. Чё, я – не прав?

– Ещё как вы правы! Я в школе любил только один предмет – английский, так эта стерва, англичанка, даже не спрашивая меня, выводила мне двойки. Я возмутился: почему тогда не нули, ведь не вызывала же вообще? Ну, и обозвал её безмозглой курицей. Она возненавидела меня за то, что я – стилига. Пришлось переводиться в другую школу. А то моя маманя вообще хотела эту тётку уволить с работы... Но школу я бросил. Надеюсь, что папаня не отпустит меня в солдаты, я даже драться не умею... А там, говорят, дедовщина...

– Ты это... не величай меня, давай на «ты». А язык изучать давай вместе – приходи, когда будет желание. Мне нужен собеседник для тренинга-диалога. А ты знаешь о том, что ты *уже прямо сейчас можешь спокойно разговаривать на английском языке?* Ведь если сосчитать, двести слов ты знаешь? Уверен – наберётся у тебя такой запас! А люди, в общении, сами того не замечая, применяют *всего двести слов родного языка!* Значит: не хватает смелости и тренинга! Вот этим мы с тобой и займёмся: *смелостью и тренингом!*

Антону парень сразу понравился: не гордый и даже – застенчивый. У высоких родителей отпрыски, как правило, с гонором, зазнайки, а этот – нет.

Наконец, кадровая чехарда закончилась, паспорт Сэму «нарисовали», и «Братск» вышел в экзотический рейс к островам Зелёного Мыса, Западная Африка.

Накануне вечером Антон собирался для похода в кафе «Лето». В ресторан попасть, не застолбив место загодя, было проблемно. А в кафе работала знакомая буфетчица Света и по телефону можно было зарезервировать место. Что Антон и сделал ещё днём.

– Вы!.. Ты куда собрался, Антон? – В дверях стоял Сэм.

– Да – в кафешку. Я всегда перед отходом в рейс хожу поесть по-человечески мяса и жареной картошки. У нас-то кормёжка однообразно паршивая. А в валютных рейсах и того хуже. Экономят валютную прибавку в 13 копеек для отоварки *презентов* домой, к приходу: сигареты, шоколад, пиво, «кока-кола». Валюту морякам платят только за переходы из района промысла в инпорт и обратно. Хватает разве что на бутылку да жёнам косынки с гипюром купить...

– Антон, возьми меня с собой. У меня деньги есть. Мои родители сегодня уже улетели, а у меня в городе никого знакомых нет, – взмолился Сэм.

– Не вопрос! Одевайся. Только – скромнее: скинь с шеи цепь с черепом и костями. Мы же с тобой – не пираты. Маникюр смой! Его носят только гомосеки! Даю тебе полчаса.

Жду! Время пошло.

В кафе «Лето» Света Дегтярёва зарезервировала целый столик прямо перед своим буфетом, чтобы легче было пообщаться.

– Я знала, что не один придёшь. Ты – с другом? Слушай, а ко мне подруга пришла, тоже Света. Ты её знаешь, дочка зама ОблУВД. Мамашка отпускает её только ко мне. Но я же не могу отлучаться из буфета. Можно, я к вам её подсажу, она – весёлая и симпатяшка! – попросила Света.

– А она не старая? Сэм, ты не против? – спросил Антон.

– Да ей двадцати лет ещё нету! И ты её знаешь! – удивилась Света.

– Антон, я только рад буду познакомиться с девушкой, зовите, Света, вашу Свету! – обрадовался Сэм, его застенчивости и след простыл.

Вечер удался на славу. Антон, как обычно, «ходил по столам», друзья затаскивали на отходную рюмку, а к часу ночи он удрал на судно до развода мостов через реку Прегель. Сэм сидел, ворковал, как голубь, со Светой и не пропускал с ней ни одного танца. Оторвать Сэма от Светы, чтобы увезти его на судно, было невозможно. Он сказал, что будет провожать Свету, вплоть до сведения мостов, а деньги на такси у него имеются в достатке. Ну как лишать парня романтического свидания? Антон чётко проинструктировал Сэма, как добраться в порт, и уехал на судно, ибо с раннего утра были отходные таможенные оформления деклараций по его

заведованию: гофротара и грузы для сопровождающих траулеров.

Свою вахту, «собаку», Антон стоял с полуночи до четырёх утра и с полудня до 16 часов. Прозвана вахта «собакой» потому, что в это время ночи не спят только собаки, воры и проститутки.

Днём на вахту к Антону в рулевую рубку тихонько посту чал по переборке Сэм. В это время судно следовало к Балтийским проливам по безлюдному Балтийскому морю.

– К вам можно?

– Тебе даже нужно: изучать судно. А вообще, чтобы знал, в рулевую рубку посторонним заходить запрещено, – разрешил Антон.

– А я не посторонний. Я – вахтенный моторист. Стармех поставил меня на вахту со вторым механиком Юрием Борисовичем для обучения. Для начала он обучил меня делать откачку воды из льял. Вот он и послал меня посмотреть, как она вытекает за борт. (Если б второй механик знал, к чему это приведёт...). А ты мне карту покажешь, где мы сейчас находимся?

В рулевой рубке в это время, кроме Антона, находились два его рулевых матроса. Они по очереди, час через час, стояли на руле и зорко смотрели вперёд. С этими матросами Анатолием Кузякиным и Германом Казанским Антон прожил не один месяц, пройдены не одна тысяча миль, поэтому отношения были весьма доверительными, но без панибрат-

ства.

Матросы были одинаково смышлёными, сообразительными: они следили за потенциально опасными судами по пеленгатору, по радару, составляли сами метеосводки на берег, а при чистом горизонте учили вместе английский.

Антон подвёл Сэма к генеральной морской карте и показал, где мы сейчас находимся и куда направляемся. При этом Антон оговорился, что иностранные суда обычно сокращают путь на почти трое суток, следуя немецким Кильским каналом, но советские суда обходят Ютландский полуостров, Данию, вокруг, чтобы не тратить инвалюту, как плату за проход каналом.

– И дорого стоит пройти этим каналом? – поинтересовался Сэм.

– Копейки. По сравнению с тем, сколько стоят эксплуатационные расходы нашего судна в сутки. Не говорю уже о сэкономленном времени, – пояснил Антон.

И тут в разговор тихонько влез хитроватый Герман:

– А ты, Сэм, закинь папе РДО (радиограмму): Так, мол, и так: непорядок. Или трое суток по бурному Северному морю, или семь часов хода Каналом и – в Ла-Манше! Экономия! А мы в Хольтенау, на входе в Канал, агенту закажем пивка и «Кока-колы» со жвачкой.

– А как мы закажем «Кока-колу» и жвачку? – проглотил крючок Сэм, и глазки его заблестели.

– А начпроду дадим списочек, он будет заказывать капи-

тану представительские и нам закажет. А после с нас удержит, когда нам начислят валюту, – делал своё чёрное дело Змий-искуситель Герман.

– Так я щас! Я пойду к радисту и дам РДО папе! – заторопился Сэм.

– Так ты поспешай, а то к вечеру мы уже завернём на север, в Зунд, – поторопил Сэма Герман. Антон и Толя «Кузя» только ухмылялись: «А пускай он потрясёт своего пахана, хоть какая-то польза от „сынка“ будет!»

Через пару часов удивлению капитана Щеголютина не было предела. Радист вручил ему «Правительственную» РДО: «Экономии времени и средств обязую следовать Кильским каналом = Семёнов».

– Сработало! – веселились Антон и его матросы, когда судно завернуло на юг, в Кильский канал.

Капитан Щеголютин, не подозревая закулисной возни, важно раздувал щёки: «Уважают! Не каждому разрешают ходить Килем!»

А старпом Алексей Григорьевич Фомичёв, спокойный, как все гиганты, ухмыльнулся и сказал Антону при приёме вахты: «Сознайтесь, ваша работа?»

На входе в Кильский канал с разрешения капитана вручили начпроду свои записки для шипчандлера (агента по снабжению). Антон помогал начпроду в качестве переводчика. Он заглянул в заказ Сэма. Кроме ящика «Кока-колы», пива,

шоколада и жвачки там значились ещё и три бутылки французского «Мартеля». Антон спросил Сэма: «А коньяк-то кому заказал?»

– «Мартель» заказал как презент стармеху и второму механику, – невозмутимо ответил Сэм.

– А третью бутылку?

– А третью – себе. Для кофе! – заважничал «бывалый моряк» Сэм.

Как-то на ночную вахту к Антону на мостик снова поднялся «сынок».

– Антон, помоги! Этот мудака радист не хочет брать у меня радиограмму. Говорит, что моя РДО – чушь, и его лишат лицензии за хулиганство в эфире!

– Покажи РДО!

В написанной Сэмом радиограмме его новой подружке Свете, кроме романтики, на полстраницы была подпись «Сэм» после семидесяти слов «Люблю».

– Пойдём к начальнику радиостанции. И так его больше не называй, он хороший парень. И подожди меня, я зайду к нему один.

Радист объяснил Антону: «Этот пацан Митрофан написал 70 раз слово „Люблю“. А частная РДО не превышает 50 слов. Я ему объяснил, что в радиоцентре круглосуточный контроль за эфиром со стороны КГБ. А капитан подписал ему РДО, не глядя».

– Ну, хорошо. Пускай он напишет слово «люблю»,

а в скобках напишет «тысячу раз». Передашь? Разве ты не видишь, с каким «чмо» мы имеем дело? Подыгрывай ему, как больному. А то – куда ещё нам деваться? Сынок Хозяина... Да вычеркни втихаря б9 его «люблю» и – передавай!

– Иди, Сэм, отдавай свою РДО, только подправь её немножко, – радист знает, что говорит, – упокоил Сэма Антон.

На протяжении всего рейса, после этого конфликта, начальник рации *почти ежедневно* брал у Сэма самые несусветные тексты его РДО, вычёркивал всю чушь и бред и фактически сам переписывался с этой Светой.

Когда шли вдоль берегов Испании на мостик поднялся Сэм.

– Антон, почему мы никуда не заходим? Вот и в Испанию не зайдём, да?

– Каждый заход нам санкционирует наш Главк или Митн-рыбхоз. Несанкционированный заранее заход в инпорт возможен только в случае экстренного пополнения запасов воды или топлива. И того, и другого у нас – достаточно, мы только вышли из родного порта, – пояснил Антон.

Лучше бы он этого не говорил!..

Разговор с Сэмом происходил ночью, а утром принимающий вахту третий механик был в ужасе: на предыдущей вахте второго механика и вновь обрётённого крупного специалиста-моториста в лице Сэма вся пресная вода *ушла за борт*, о чём третий механик и доложил стармеху. После шока, стар-

мех Картозия вошёл в каюту капитана с сомнением: выйдет ли он из каюты капитана живым. После получасового трёхэтажного мата из каюты капитана туда вызвали Митрофана. С невинной улыбочкой, как на духу, даже с некоторой гордостью за успешно выполненную сверхзадачу, Митрофан во всём сознался: это он включил 25-кубовый насос на осушение танков пресной воды *за борт!*

– Пускай «спасибо» скажут, что я не топливо выкачал за борт, – с ухмылкой изрёк Сэм, выходя из кабинета капитана.

Крыть было нечем! Второй механик Юрий Кузуб сам обучил Митрофана делать откатки балласта за борт... А как он проглядел *запуск* насоса – ответ был дан самим Митрофаном: заступив на вахту, Митрофан подарил своему механику... бутылку французского «Мартеля», и тот отправился к себе в каюту «принять на грудь» пять капель. А когда он, полутрезвый, спустился в машину сдавать вахту – дело уже было сделано! «И его не переделаешь», как говорили древние турки, посадив на кол не того, кого следовало...

И было принято решение: второму механику объявить строгача. Сэма, без сопровождения самого стармеха Картозия, в машинное отделение больше не пускать, «пуцай валается в каюте и дует в свой саксофон». Так будет безопаснее. А у замминистра МРХ Семёнова попросить заход для пополнения запасов воды в Лас-Пальмасе, на Канарских островах. Другого выхода не было, ведь «на хвосте» висели пять

траулеров! Кстати, те поплелись вокруг Дании и должны были подойти позже, хотя их выпроводили заблаговременно. Пройти Кильским каналом им, естественно, не разрешили, а второго сынка у них на борту не было!

Заход в Лас-Пальмас «папа» разрешил, но с оговоркой. бункеровка и закупка овощей для экспедиции – на рейде, без увольнения экипажа в город.

Сэма такая формулировка озадачила: ведь он сбился с ног, выпытывая у экипажа номенклатуру бизнеса в Лас-Пальмасае: что можно «загнать» или «ченженуть» в Лас-Пальмасае? Ответы ветеранов бизнеса были неутешительны: кроме наручных часов «Командирские» и фотоаппаратов «ФЭД», которые лавочники берут за копейки (5 долларов!) на сувениры, выставляя их в витрине, других контрабандных товаров в России не водится. С матрёшками и шапками-ушанками в тропическом Лас-Пальмасае давно – перебор!

На рейде Лас-Пальмаса судовой агент Антонио быстро подогнал танкер-водолей к одному борту, плашкоут с овощами и фруктами – к другому, и... первый помощник потерял покой: экипаж занялся «ченджем» (обменом) с экипажами плавсредств. Крыса мотался от одного борта к другому, моряки, конечно, разбегались (Виза!), но Сэм и не думал прятаться от Крысы: у его ног уже стояли банки пива, «Кока-колы» и бутылъ испанского вина. Маманя, конечно, снабдила сыночка долларами...

Лангусты, или лобстеры, это морские раки, но без клеш-

ней. Размеры – до 60 сантиметров, а вес – до 4 кг. Являются деликатесом. Защитой у них служат острые шипы на панцире. Обитают на глубинах от 20 до 150 метров, на шельфе. Ведут загадочный образ жизни: то сбиваются в плотные стаи, то выстраиваются в организованную цепочку и уходят на глубину, в океан.

В районе Сенегала и островов Зелёного Мыса обитает «Португальский розовый» лангуст. Французы ловят их ярусами с корзинами-ловушками и живьём, в трюмах с проточной морской водой (в бортах прорезаны щели), доставляют во Францию и Бразилию. Цена одного кг достигает до 25 \$.

ПР «Братск» встал на якорь в видимости порта Дакар, как только обнаружил суда французских ловцов: на корме у каждого громоздились штабеля запасных корзин-ловушек и бамбуковые шесты буёв.

Наши траулеры подошли и сразу стали варварски утюжить тралами ареал обитания лангустов. Тралы таскали круглосуточно, лангусты не имеют привычки к вертикальной миграции, они, бедолаги, всю жизнь ползают по грунту. Вот тут их и настигали русские тралы с мощным грунтропом (нижней подборой трала), утяжелённым чугунными грузилами.

На ПР «Братск» на палубе, по обоим бортам, уже заработали два больших, на 4 куба каждый, металлических чана для варки лангустов перегретым паром. СРТ стали подходить к обоим бортам и сдавать – по счёту! – лангустов и прилов: скумбрию, луфаря и рыбу-капитана. И то, и дру-

гое шло в морозильные камеры. Вся палубная команда в это время работала в рыбцехе. Туда же, для пользы дела и знакомства с процессом, помполит, на правах гувернантки, отправил своего инфанта Митрофанушку с погонялой – Сэм.

Через день к Антону в каюту впорхнула в истерике технолог Алевтина Правосудова. Она растирала по щекам тушь с ресниц вместе со слезами:

– Антон! На кой хер прислали ко мне в цех это «чмо»? Там, в цехе, остановилась работа и идёт клоунада. Над чем потешаются, я не поняла, все «гогочут», но не говорят в чём дело? Ты сходи в цех, там твои рулевые Кузякин и Казанский работают на упаковке ставриды в короба. Тебе-то они скажут: кто там закопёрщик бардака?

Алевтина, русская красавица с повышенным размером груди и плотными ягодицами, вчерашняя выпускница ЗапРыбВТУЗа, была девушка поднаторевшая в работе с мужицким «отвязанным» контингентом: она уже работала рыбмастером на практиках и второй год технологом на «Братске». Могла послать и по матушке, а то и приложиться «гострым» кулачком: никаких вольностей! А тут – такая «пробуксовка»? Бунт! Что за дела?

– Успокойся, Аля, я сам щас схожу в цех и всё выясню, из-за чего эта «буза»?

Алевтина встала с диванчика и шагнула в сторону двери... И тут сам Антон повалился со смеху и сквозь смех выдавил: «Вернись». Алевтина недоумённо повернулась

к нему: «Что такое?»

– Подойди к зеркалу и посмотри на свою попу! – продолжал заливаться смехом Антон. Когда Алевтина повернулась к Антону спиной и шагнула к двери, он увидел на её туго обтянутых треником ягодицах наклейки с надписью: «Колодка жирная, без головы», а ниже, мелко: «ставрида»...

Наклеиванием этикеток занимался Сэм. Как он изловчился на потеху бригаде «отмаркировать» свою начальницу Алевтину, – ловкость рук и никакого мошенства...

– Всё! Я пошла к помполиту! Это он привёл ко мне в цех этого разгильдяя! А я его в цех больше не пущу! – лицо Алевтины пылало обидой и гневом.

– Так! Жизненное пространство на нашем корабле у Митрофанушки сократилось до размеров каюты и столовой экипажа. Но, мне думается, он не сильно будет опечален, – заключил Антон.

Погода стояла жаркая, воздух – до 30°, а вода – до 27°. Наши траулеры долго хранить свежью на палубах не могли и через каждые два траления подходили к борту «Братска» на сдачу рыбы и лангустов. Вместе с уловом они периодически сбрасывали на борт «Братска» и затраленные ими улики нашего варварского способа лова – ловушки французов.

И вот к нашему свободному борту подошёл французский краболов и обратился с просьбой к капитану Щеголотину вернуть затраленные ловушки.

Он сказал, что обращения его к капитанам СРТ ни к че-

му не привели, поскольку капитаны не говорят *ни на одном языке*: французском, немецком, английском, он вынужден от имени группы своих кроболювов просить капитана «Братска» о посредничестве для возврата этих дорогих орудий лова.

Если бы француз знал, с кем он решил поиметь дело, он плюнул бы на свои ловушки. Ибо ни капитан Щеголютин, ни его старший помощник Фомичёв (из военных!) тоже «ни бэ, ни мэ» по-английски! А тут под ногами вертелся Сэм и свободно тархтел с французом о чём-то о своём! Ну, капитан и воспользовался подвернувшимся под руку переводчиком, пока гонец побежал будить второго знатока – Антона.

Щеголютин сказал Сэму: попроси у капитана карту постановки их ярусов с ловушками, а мы передадим эту карту на все СРТ, чтобы впредь избежать коллизий с их ловушками. А те ловушки, что оказались у нас на палубе, мы возвращаем с нашими извинениями.

И тут подошедший к борту сонный Антон услышал нечто совершенно противоположное из уст толмача Сэма. Сэм сделал «вольный» перевод: он сказал французам, что «мы тралим скумбрию в нейтральных водах, имеем на это полное право, а ваши ловушки мы будем вам отдавать по таксе: одна ловушка – одна бутылка вина!» Француз согласно закивал головой и дал команду вниз, на палубу. Капитан Щеголютин, считая инцидент исчерпанным, дал команду вернуть французам его ловушки и покинул крыло мостика. А в это самое

время на бросательном конце приняли с краболова шесть литровых бутылей «Бордо», а на борт краболова сбросили шесть ловушек.

– Приходите ещё! – крикнул французу мастер гешефта Сэм. – И другим передайте: «Одна ловушка – одна бутылка!»

О том, что мы работаем в нейтральных водах Сэму объяснил Антон. А об установленной таксе Антон услышал, подойдя к борту, и усомнился: «Неужели это идея безукоризненно справедливого капитана Щеголютина?»

Тут же заволновался и помполит Крыса: команда расхватала бутылки с вином без его на то высочайшего позволения. Крыса пошёл к капитану выяснять странную международную халяву: так и до парткома дойдёт, и он может потерять партбилет, а с ним – сытную кормушку и тёплый хлеб...

Капитан от неожиданного поворота результатов саммита даже опешил. И вдруг всё понял:

– Так этот стервец Митрофан всё сотворил, я ж не понимал, о чём он там чирикает с французом! Я говорил одно, а этот хлюст переводил отсебятину! Не подпускать пацана к борту, даже к нашим траулерам, он и там придумает какой-нибудь гешефт! А ты куда смотрел? Тебе поручили этого пацана, вот и ходи за ним по пятам, пока не вернём родителям! – напустился капитан на помполита.

Свободное пространство на судне ещё урезали для Сэма. Но то ли ещё будет! Впереди – заходы в инпорты...

Помполит, в негодовании, помчался искать Сэма. Тот сто-

ял на корме с капитанской удочкой и удачно таскал полуметровых луфарей. На нём были только шорты, на шее – массивная цепь под золото с медальоном «Череп с костями», а на кожаном поясе, в ножнах, – огромный охотничий тесак. На голове – косынка с надписью «Las Palmas». На чёрных от солярки ногтях блестел розовый лак.

Крыса ещё не остыл от капитанской трёпки и подскочил к Митрофану со словами:

– А ну немедленно отдай мне свой кинжал и приведи себя в пристойный вид! Ты позоришь высокое звание советского моряка! – заорал он, с напускной суровостью солдафона.

Митрофан медленно повернулся к помполиту и безучастно сказал:

– Подойди ко мне поближе, козёл. Я всажу нож в твоё поганое жирное брюхо и скину тебя за борт. И никто из этих ребят (на корме сидели с удочками ещё четверо моряков) не станет свидетелем. Правда, ребята? Чтоб больше ко мне на метр не подходил, понял?

– А мы ничего не слышали и не видели. О чём это вы? – ответили рыбаки.

– Я всё понял. Я буду жаловаться твоим родителям. Ты мне угрожаешь!

А французские ловушки палубная команда быстро приспособила, опустив их по обоим бортам, и стала «курковать» шейки лангустов «для дома, для семьи», благо в трюме было минус 20 градусов!

Капитан Михаил Ефимович с диалектикой был не в ладах. Он просто не знал о её существовании. И вот на этом он и попался! По законам диалектики инициатива всегда наказуема! Законы диалектики: единство и борьба противоположностей, гармония и симметрия, закон равновесия, когда Добро уравнивает Зло – всё это вместе взятое сработало не в пользу капитана: ведь он хотел, как лучше, а получилось – наоборот!

Опухнув от сна и безделья, кэп знал: работа крутилась автоматом без его участия, ну и ещё нескольких лодырей, не стоящих вахту, как то: помпа «Крыса», начрации, начпрод, стармех, доктор, настоящий СЭМ (старший электромеханик, а не самозванец Митрофан), рефмеханик и красotka судового масштаба – Алевтина. Они повадились на корму ловить на крючок дурную рыбу: каждые 30 секунд вытаскивали полуметрового луфаря и рыбу-капитана. Работу поставили на поток, и два подвахтенных матроса едва успевали таскать наполненные корзины в морозильный цех: столько зажарить было невагоду. Закопёрщик этой кутерьмы – кэп – прямо распухал от гордыни! Такому клёву не поверят на берегу ни в жизнь!

Но! Диалектика сработала вчистую: «Не высывайся»! Из Москвы прилетела РДО: «Силами подвахты организовать круглосуточный лов придонных пород зпт тысячу крючков закупить заходом импорт зпт предварительный план 6 тонн/мес. сверхплан аккордной оплате ясность подтвердите = Се-

мёнов»...

Мать честная! Вот, блин! Откуда ж заммина Семёнов пронюхал? Не иначе «сынок», туды его мать, заложил! Точняк! Радист раскололся: Сэм похвастался пахану, что он чуть ли не центнер луфаря надёргал за пару часиков, шутя... Вот так вот! Удовольствие превратили в обязательку из-за сынка-хвастуна... Пришлось приказным порядком организовать подвахту...

С берега поступила команда: следовать в Дакар, сдать мороженую скумбрию и прилов того самого луфаря. Пополнить запасы пресной воды. И, конечно, идея не умирает в одиночку – закупить тысячу рыболовных крючков и леску... Для воплощения рацухи – рыбалки на крючок...

Стармех Картозия и помполит Щербак пришли к капитану.

– Михаил Ефимович, что делать? Не пустить этого хлюста на берег мы не имеем права, а пустить – он может сбежать за границу и попросить политическое убежище, с него станет! Может быть, нам взять у старпома *наручники* и незаметно приковать его к себе на время увольнения? – растерянно предложил помполит. Стармех молчал и хмурился: его карьера тоже была под вопросом. А впереди ещё инпорты... Жуть! Влипли!

– Вы в своём уме или от страха «з глузду зыхалы», як кажут на Вкрайини? А вы подумали, что скажет вам после этого его отец? А мать? А если во французских газетах по-

вяются снимки: в увольнение русские идут, скованные наручниками. Они и так говорят, что увольнение «тройками – это есть «Скованные одной цепью» несчастные русские моряки... Нет уж, идите вместе с Митрофаном, он – посередке, а вы – по бокам, и – ни шагу в сторону! Отвечаете оба головой. Взятся за гуж, не говори, что не дюж!

Само слово «Африка» ассоциируется с джунглями, бунгало из пальмовых листьев и размалёванными чёрными туземцами в набедренных повязках. Каково же было удивление моряков, когда они ещё с моря увидели ослепительные высотки утопающего в буйной зелени тропической флоры более чем двухмиллионного мегаполиса! Это – Дакар. Столица и крупнейший порт на самой западной точке Африки – полуострове Зелёного мыса. Население с окрестностями – два с половиной миллиона жителей! А всего в Сенегале – 13,7 млн. жителей. А в соседнем Конго – 75 млн. жителей! Вот вам и бунгало с пальмовыми крышами!

После швартовки в огромном первоклассном порту у каюты помполита выстроилась очередь: он комплектовал пресловутые «тройки», выдавал под роспись паспорта и назначал старшего. Когда дело дошло до «коренника» Антона и его «пристяжных», Анатолия Кузякина и Германа Казанского, помпа заартачился:

– А ты, Антон, пойдёшь вместе со мной, стармехом и Митрофаном. Помполит закрыл плотно дверь каюты и заговорщицки прошептал:

– Ты нужен как переводчик. Мало ли что этот шалопай станет говорить французам. Ещё и политическое убежище запросить может. А мы со стармехом языка ведь не знаем! Так ты подстрахуешь!

– Я что, похож на идиота? Хотите на меня перекинуть свою ответственность? Я, в отличие от ваших стукачей, согладатаем быть не подписывался. Я пойду в город со своей вахтой. Ну, ещё и Алевтину согласен пригласить, она просится пойти с нами на пляж.

– А тогда я вообще не пущу тебя в увольнение, – разозлился помпа.

– А я у тебя и не собираюсь спрашивать разрешения. У меня один начальник – капитан. Ты забыл, наверное, что я – беспартийный. А капитан уже составил график, кто из штурманов и когда пойдёт в город...

Крыса беспокоился не зря. Уже за проходной порта они (Сэм, а по бокам стармех с помпой, типа «Двое сбоку, ваших нет!») столкнулись с двумя молоденькими монашками-француженками. Одна из них держала в руках банку для сбора пожертвований, а вторая – плакатик с надписью на французском и английском языках. Сэм подал фотоаппарат стармеху и попросил разрешения у монашек сделать кадр, где он стал между ними и даже слегка приобнял их. Монашки дружелюбно и игриво улыбались: хоть и монашки, однако же – француженки! Стармех щёлкнул затвором ФЭ-Да.

– А теперь станьте вы оба к этим девушкам и бросьте в банку пару франков пожертвований, а я вас щёлкну за таким добрым благотворительным делом, – обратился Сэм к своим стражам.

Стармех и помполит переглянулись, помялись, но решили не злить подопечного. Они взяли по одному франку у Сэма и демонстративно, под щёлканье затвора, глядя в камеру, опустили деньги в банку: дескать, мы – тоже люди!

Если б они умели читать по-французски или по-английски, то пришли бы в ужас от содеянного ими только что аполитичного деяния. Ибо на плакатике и на банке было написано: «В помощь пострадавшим от коммунистической агрессии в Конго!» Позже, когда Сэм покажет им снимки и сделает перевод надписей, они будут унизительно заискивать и чуть не ползать на коленях, вымаливая у Сэма фотоплёнку. За такой компромат придётся точно выложить партбилет, как это случилось с помполитом Юрием Феденёвым: в партком прислали фотку спящего пьяного Феденёва, на заднице шортов которого была надпись суриком: «Слава КПСС!».

Но эта подлянка со стороны Сэма не стала последней. С непривычки шляться бесцельно по огромному мегаполису стало троиче невмочь, и они, попив пивка в ближайшем баре и прикончив фотоплёнку, направились к проходной порта. И тут, у этой окаянной проходной, опять их настигла неожиданная встреча: из проходной вывалилась группа поддатых моряков с рядом ошвартованного французского контейне-

ровоза. Французы сразу смикитили, кто перед ними: только русские моряки уныло, «тройками», топают домой, на судно в то время, когда все моряки мира только выползают на гулянку! Просто так пройти мимо французы не могли и решили покуражиться над затурканными идеями русскими:

– O! Russie! Come on together to bordel! Do you want yang mademuasel? False girls? Prostitutes? (O! Русские! Пойдёмте вместе в бордель! Вы хотите молодых шлюх? Проституток?)

Оба сопровождающих Сэма распознали только последнее такое знакомое до боли слово, почувствовали насмешку, насупились и решили прошмыгнуть в проходную. Но тут вдруг открыл рот Сэм. Указывая пальцем на съёжившегося помпу, он радостно откликнулся на заманчивое предложение:

– O, yes! This seaman very wants to have contact with black lass? Please, introduce his, because he is very like of black lass! – и Сэм сделал попытку попридержать помполита.

Перевод: О, да! Вот этот моряк очень хочет иметь дело с чернокожей шлюхой. Представьте его ей, потому что он очень любит чёрных шлюх.

Услышав такое, француз расхохотался и вцепился в помполита:

– Come on! Please, come on, dear friend to bordel! (Пойдём! Пожалуйста, пошли, дорогой друг, в бордель!).

– П-п-у-с-ти! – заорал помпа, высвобождаясь от хватки француза. – Девис, помоги! А Сэм стоял в стороне и заливался счастливым смехом.

– О! Russien – queens! – расхохотались французы и отпустили перепуганного помпу (Перевод: О! Русские – «королевы», т.е.-гомосексуалисты, на морском сленге).

Первый поход Сэма на берег чуть не стоил его «дядькам» месячной валютной ставки. В зоомагазине Сэм увидел миниатюрную обезьянку «мармазетту», которая умещалась в бокале для шампанского.

Он схватил за грудки своих «дядьков»: «Отдавайте всё, что у вас есть, я куплю эту обезьянку!» Но, слава Богу, у них у троих не набиралась нужная сумма: это чудо природы тянуло на тысячу долларов, а советские мариманы сроду не держали в руке такие деньжищи... И «дядьки» облегчённо вздохнули.

Рейс подошёл к концу, прошло четыре месяца, в трюме лежали около ста тонн (поштучно!) замороженных лангустов и так называемые «шейки» лангустов, а на самом деле – это их хвосты – чистое мясо! И 500 тонн рыбы.

Говорят, что на детях довольно успешных родителей природа отдыхает. На Митрофане природа не отдыхала, она на нём совсем уснула. Он не занимался ничем, то есть – совсем ничем. У него в каюте был дорогой саксофон, но он не знал ни одной ноты и играть не умел. И он с саксом только делал импозантные кадры. В каюте не было ни одной книги. Но всю каюту занимали разбросанные грязные вещи вплоть до меховых унт! Которые Сэм безуспешно пытался «толкнуть» вместе с саксофоном, но покупателей не устроила аст-

рономическая цена и подозрение на то, что такая экзотика – краденая! Единственно, чем он занимался с увлечением и ежедневно – учил английский под патронажем Антона у него в каюте.

За истекшие четыре месяца Митрофан превратился в дикаря из племени «Ням-Ням». Он не стригся, не мылся (кроме купания в бассейне) и не брил свой пушок. В его двухместной каюте не ступала нога нормального человека, тем более – уборщицы. Смрад от гниющих бананов, варёной колбасы и позеленевшего обгрызенного окорока валил с ног любого, рискнувшего переступить порог его берлоги. Палуба каюты была залита разбившейся трёхлитровой банкой варенья.

За одну неделю до Нового, 1962 года, зашли в Гибралтар – вселенский базар, одно из самых вожаделенных мест для моряков всего мира, кроме Сингапура, Бангкока и Манилы. Это места беспощинной торговли, все товары там продаются почти вполонину дешевле, чем в мире.

История с увольнением на берег повторилась «один в один». Только осложнена была тем, что судно стояло на рейде и лимит времени для разграбления лавок был строго ограничен движением «ferry-boat» (пассажирского катера) на рейд.

Антон, как обычно, со своими матросами Толей и Германом отложили в лавках свои ковры и покрывала (надписали название судна, а на борт их покупки доставят сами продав-

цы) и завалились в бар «Трокадеро», где испанская музыка, кондишен и испанское вино. До катера на рейд оставалось ещё два часа, а всю Main-street, главную улицу Гибралтара, можно вразвалочку обойти за полчаса.

Спокойное наслаждение троицы было нарушено ворвавшимися в бар ошалевшими «дядьками» (стармех и помпа). Они возопили:

– Антон! Иди скорее по лавкам, «он» сбежал! А времени на поиски – в обрез! Мы пропали! Надо заявить в полицию и в иммигрэйшен! – заголосили оба, перебивая друг друга.

– И как он от вас избавился, несчастный пацан? – спокойно спросил Антон.

– Мы не знали, что в магазине два входа. Митрофан, сволочь, зашёл вместе с нами, мы «пасли» один выход, а он удрал через второй на улицу! На улице кишит толпа иностранцев. Он может прибиться к ним и... тогда нам – конец!

– На кой ему хрен иностранцы? У него и тут, в СССР, – заграница, с таким папой! Не менжуйтесь, а идите в магазины оружия. Или игрушек. Там тоже продают имитацию под настоящее оружие, только – пневматика. Стреляет пластиковыми шариками, – успокоил их Антон.

– Антон, пойдём вместе, мы не знаем, как искать такие магазины!

– Ну, вы даёте! Да скажите «наган» или «револьвер» и вам тут же покажут эти лавки! – Антону не хотелось лишать своих ребят удовольствия посидеть в баре, а оставлять их одних

(в присутствии помполита) – за это лишали визы. – Ладно, чёрт с вами, пошли искать!

В пять минут Антон нашёл магазин оружия, где у прилавка Сэм уже отобрал для себя газовые огромный «Кольт» и, для мамы, миниатюрный женский «Браунинг». Они энергично жестикулировали с горячим испанским продавцом: торговались!

Антон подошёл и извинился перед испанцем: «Это мой инфант, он – несовершеннолетний. По нашим законам он не имеет права (а кто его имеет вообще у нас, в эс-эс-эс-эре?) иметь такое оружие. Простите, но мы не будем делать эти покупки. Надеюсь, вы меня правильно поняли?..

Испанец изменился в лице и тут же убрал оружие с прилавка. Сэм был вне себя: «Ну что вам от меня надо, что вы меня преследуете? Антон, и ты тоже – с ними? Мне нужно купить подарок маме! Я выбрал «Браунинг».

– Да, без проблем! Идём со мной. Щас мы твоей мамане выберем такой парфюм, что все московские подружки сдохнут от зависти. Только «бекицер», как говорят в Одессе, то есть – быстрее, остался час до «фэрри», катера на рейд.

Начпрод, под строгим контролем всего экипажа, чётко распорядился накопленными валютными «копейками»: по 13 копеек в сутки на человека для закупки овощей. Согласно списку, к новогоднему столу он закупил помидоры, огурцы, фрукты. По этой же статье, негласно, вместо картофеля, шипчандлер привёз пиво, кока-колу, жвачку, сигаре-

ты «Кэмел» и греческий коньяк «Метакса» (для некурящих и язвенников – развесной лом шоколада!).

Но фишка сюрприза – доставить испанские яства к новогоднему столу – накрывалась медным тазом! Из-за штормовой погоды накануне, в порт мы приходили, по самым оптимистическим подсчётам, только к третьему января...

Естественно, все взоры обратили на Митрофанушку: авось у него прорежет номер во второй раз: дадут «добро» пройти Кильским каналом через Германию, сократив путь почти на трое суток? Путь к мозгам и сердцу Сэма лежал через Антона. Только его уважал Сэм, почитая его за своего «гуру» по части изучения английского языка.

Антон позвал Сэма в штурманскую рубку и, с циркулем в руках, обсчитал ему весь предстоящий путь. Прибытие в Калининград через Киль выходило на 31-е декабря! Не говоря ни слова, Сэм помчался в радиорубку, а через два часа капитан получил РДО – приказ из МРХ – следовать Кильским каналом: «Экономии времени следовать Килем зпт экспортный груз ожидают рефсекции торгпорту = Семёнов».

Радости экипажа не было пределов! А к Митрофану от скепсиса перешли к уважению – уважухе!.. Волшебник, да и только!

В порту, на причале, Сэма встречала не только его суровая, как волчица, маманя, доставленная в порт персонально куратором рыбной отрасли из обкома партии Казьминим.

Среди чёрных «Волг» кураторов обкома и КГБ, в сторон-

ке, стояла ещё одна чёрная «Волга», возле которой стояла Света и радостно размахивала маленьким букетиком цветов.

С борта судна, как водится, тоже что-то кричали и приветственно махали, в ожидании окончания швартовки, досмотр властями предусмотрительно прошли в Балтийске, у входа в канал: до праздника оставались часы!

И тут маманя обратила внимание, что все взоры и воздушные поцелуи её Мити (сокращённое от Митрофана) направлены не ей, а в сторону посторонней чёрной «Волги» с милицейским номером! А возле машины суетилась молодая девица и размахивала скромным букетиком. И, похоже, именно её Мите она тоже слала воздушные поцелуи!

«С этим ЧП нужно срочно разобраться и покончить в зародыше!» – решила маманя, поднимаясь на борт судна. – И когда это успела местная шлюха окрутить мальчику?»

«Дядьки», прижатые к стенке, поклялись (стармех-грузин – «мамой», а помпа – «партией»), что они не в курсе, откуда свалилась на Митрофана нежданная любовь! Но они в курсе, что он писал ей радиogramмы-письма почти ежедневно!

– Адрес шлюхи взять у радиста! Я ею займусь сама! Мальчик ещё несовершеннолетний! А сейчас вы – посадите его в машину! Никаких встреч с развратными девицами я не допущу! В гостиницу! – скомандовала министерша прибитым «дядькам»...

– Мама! Ну, меня же Света встречает! Я подарки везу ей

и тебе! Дай я выйду к ней. Я хочу познакомить вас! Я приведу её в каюту! – заволновался Митрофан.

– Сыночек! Тебя ошельмовала вульгарная женщина! Ты должен забыть о ней! Поехали в гостиницу, я накрыла стол, мы с тобой *вдвоём* встретим Новый год. Папа приехать не смог, он в командировке, – мамаша крепко держала Митрофана с одной стороны, помполит – с другой, а стармех Картозия тащил сзади два баула, с нескрываемой радостью: «Кажись, избавились!»

Маманя не дала Сэму пообщаться со Светой, они сразу запихали его в обкомовскую «Волгу» и укатили. Тем самым она сделала большую ошибку: Сэм замкнулся в себе и обозлился на мать...

Купленные Сэмом подарки для обеих женщин мать конфисковала...

Но прямо от праздничного стола в номере «Люкс» Митрофан от матери сбежал!

Только на следующий день (праздник!) матери удалось, с помощью куратора, дозвониться до начальника ОблУВД и со слезами поведать ему о пропаже несовершеннолетнего мальчика, по предполагаемому адресу матерой аферистики.

Каково же было удивление матери, когда начальник ОблУВД пояснил ей, что, судя по адресу, речь идёт о полковнике Фортунатове – его заместителе по политчасти – это у него есть дочь Света, студентка ЗапРыбВТУЗа. Он также пообещал послать своего референта к полковнику домой, чтобы

уточнить местоположение сбежавшего сына.

– Не референта пошлите, а – наряд милиции! И срочно доставьте мне сына в гостиницу! А своего зама – накажите по служебной и партийным линиям! Он – соучастник преступления! Это он привозил дочку на причал или – по его распоряжению! Я видела служебную «Волгу»!

– Я разберусь! – сказал начальник УВД и повесил трубку. Митрофан вернулся только к обеду целый, невредимый и... счастливый. С налёта мать напустилась на него с упрёками: *как ей было плохо и как он смог променять любовь матери на притворство случайной шлюхи!*

И тут её бесхарактерный и послушный мальчик Митя злобно ощерился:

– Ты – злая эгоистка. Ты всегда мучила папу, а теперь и меня. Ты обидела меня и мою девушку. Я пошёл к ней, приду поздно. Не бегай за мной. А лучше – уезжай в Москву.

Как гром среди ясного неба прозвучали слова уже не мальчика, а – мужа, мужчины, Мать лишь насупилась и схватилась за сигарету: «Не на ту напали. Посмотрим, кто кого! Молодая шлюха или мать?»

На третий день Митрофан не пришёл ночевать в гостиницу, и утром мать помчалась на судно: «может быть, Митя стоит вахту, он же моторист?»

Вахтенный у трапа только четверть часа назад заступил на вахту, Сэма он не видел, а *покаютный досмотр Уставом не предусмотрен*. Он лишь вызвал звонком к трапу вахтен-

ного второго штурмана Антона.

Антон слово в слово повторил сказанное вахтенным матросом и добавил, *что ему сейчас не до Сэма: он руководит погрузкой гофтары в рейс!* Однако Антон согласился проводить мать в каюту Сэма.

Каюта не была заперта! Сэм был, как всегда, беспечен и смел!

Среди разбросанной на полу одежды валялись и предметы чисто женского интима: трусики и бюстгальтер. Сэм мирно почивал в объятиях Светы. На столе – остатки пиршества: вино и фрукты.

– Первого помощника сюда! Капитана и стармеха! Немедленно! – завопила мать Митрофана. – Факт преступления налицо! Вахтенного помощника – уволить! Это он развёл на судне бардак! Раздосадованный инцидентом Антон вызвал помполита к разбушевавшейся даме и ушёл на палубу руководить погрузкой.

Однако через час Антона вызвали в партком и в Службу главного капитана Прозорова. И в парткоме, и в Службе капитана ему объявили, что он снят с должности *за нарушение Устава МРХ* – в каюте моториста находилась посторонняя женщина в непристойном виде *на его вахте!*

Попытки объяснить, что не установлено, когда женщина прошла на судно и что прошло всего 15 минут вахты Антона до момента обнаружения посторонней женщины, а он, Антон, *не шмонает каюты перед заступлением на вахту, а про-*

веряет швартовы, осадки судна и план грузовых операций, услышаны не были...

Главный капитан Прозоров заявил: «Вопрос уже решён. Вам направлена замена – Алексей Рамбеза. Передавайте дела и пишите заявление на отгулы и отпуск. После решения вопроса о наказании будет решена и ваша дальнейшая судьба!»

Антон всё понял. Рейс предстоял – валютный «от порога до порога», снова – в Африку, за лангустами. Халява! А сын начальницы отдела кадров Балтгосрыбтреста Веры Ломбертовны Рамбеза не просто так оказался «под рукой», *они ждали случая, повода...*

Антон, в отчаянии от бессилия перед *родителями сынков*, пришёл к капитану Щеголютину и стал возмущаться таким беспределом:

– Мы с вами год работаем вместе. Разве у вас есть претензии ко мне?

Но Михаил Ефимович, дитя системы, развёл руками:

– Я в курсе, но ничего поделать не могу: это – решение парткома и СГК – Службы главного капитана. Моё мнение никто не спрашивал... Так что – извини. Сдавай дела *ещё одному сынку – Рамбезе...*

«Кадры решают всё!» – так утверждал Главный кадровик, Хозяин Страны Советов, то есть Страны Восточной деспотии, потому что ни с кем Хозяин не советовался, а подписи подельников под своими решениями он собирал, чтоб оправ-

даться перед Историей. На такое понятие, как «кадры» он смотрел с двух ракурсов: это – те, которых назначают, и те, которые назначают.

Те, которые назначают – несчётное поле бледных поганок, корпящих на геморрое по 20—30 лет в прокисшем кабинете – это помазанники, внештатные сотрудники КГБ. Они возносят и низвергают любую особь, подсовывая «объективки» на стол начальника. Должность, премия, жильё и даже орден мог легко «организовать» неприметный червь-кадровик, но мог и низвергнуть, «зарезать» самого инициативного и выдающегося патриота.

Например, знаменитый подводник, старпом у командира подводной лодки Лунина, участник торпедной атаки на линкор «Тирпиц» в норвежских шхерах (Орден Ленина!), герой становления рыбной отрасли Калининграда – Дмитрий Петрович Камкин был оболган, низведён в ничто и сослан в Магадан *безвестными* партийными шавками и кадровиками.

«Циклоп», или просто «Клоп», начальник ОК Пётр Проккопьевич Коновалов получил эти прозвища за внешнее сходство – очки с огромными, как на противогазе, линзами и за откровенные поборы с претендентов на морское поприще. Сам он не брал и маковой росинки, Боже упаси! Но за спиной его постоянно дежурил, на подхвате, хитрован и прохвост, инспектор ОК Мартынюк. Он, по одному взгляду Клопа сверх очков, определял размер mzды и способ её извлечения из трепыхающейся наживки: ресторан, бутылки,

наличные: чеки ВТБ для валютного магазина «Альбатрос».

Пошёл второй год, как Антон был списан с судна и регулярно ходил в отдел кадров и службу флота, добиваясь направления на судно. После всяческих отговорок, кружения «вокруг да около», Клоп вдруг «огорошил» Антона новостью: «А у тебя закончился пятилетний „допуск“ на заграничное плавание, тебе нужна перевизировка!»

– Ну так и делайте её. Что ж вы целый год тянули? – возмутился Антон.

– А кто тебе даст *положительную характеристику-рекомендацию*? Тебя же списали с судна за *нарушение Устава МРХ со строгачом!* Вот представишь положительную характеристику *за год*, тогда и поговорим, – равнодушно припечатал Клоп Антона к патовому положению.

– И у кого ж я возьму *положительную характеристику-рекомендацию*, если я уже год без работы, без зарплаты и даже без крыши над головой? – растерялся Антон.

– А это твои проблемы... Пошлём тебя на ремонт, *когда освободится место*. Вот там и будешь зарабатывать себе новую характеристику... Если кто-то решится тебя *рекомендовать*, после *телеги*, оставленной гражданкой Семёновой в кадрах и парткоме Балтгосрыбтреста!.. – проговорился Клоп.

И по-прежнему остался Антон без каюты, а, стало быть, и крыши над головой. От случая к случаю койку и стол предоставляли друзья-штурманы с судов, стоящих на ремон-

те, в заводе. Но это была большая проблема, если судно стояло на 820 заводе (военный, бывший – Шихау, строил крейсера и подлодки для Фатерлянда): там была строгая пропускная система, и ходить по чужому пропуску было опасно.

Каждое утро Антон встречал вопросом: что поесть, где переночевать?

Великий таджик – Омар Хайям, умерший за 830 лет до *бичевания* Антона, хотя и был непоседа, но никогда, по-видимому, не сидел *«на биче»*. Ибо зачем он написал: *«Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше спи один, чем вместе с кем попало!»*? Когда Омар сие писал, ему было *не 25 лет, как Антону*, и в каждом шатре ему был и стол и дом!

У Антона всё было в точности до наоборот: питаться приходилось чем попало и когда перепало и спать – где попало *и с кем попало!* Так что, о, Великий и Мудрый – извини...

Насчёт второго постулата О. Хайяма выходила загвоздочка! И одному-то негде было прислониться на ночь, не то чтобы *удвох!* Но морские бичи, закалённые *комбытом*, и тут находили свет в окошке.

Однажды один студент РыбВТУЗа пригласил Антона переночевать к себе в студенческую общагу и открыл тем самым ему *ноу-хау!* В этой общаге бывший актовый зал был превращён в спальню на 30 место-лежбищ под названием *«Конюшня»*. Приходишь, выбираешь пустую кровать и заваливаешься спать. Утром, пораньше, говоришь соседям по койке: *«Доброе утречко!»* и – линяешь, чтоб избежать до-

проса. Однажды Антон так осмелел, что пригласил в «*Кониюню*» даже случайную подружку. И – ничего! Переспали с ней, укрывшись «с головой», а утром, на удивление соседям по кровати, пожелали им «Доброго утра» и – слиняли.

Мудрая Судьба даёт человеку пару-тройку радостных дней в году, для затравки, чтобы весь год он пребывал в надежде и в ожидании, а жизнь не была в тягость.

Когда стало совсем невмоготу, Антон в отчаянии, без очереди, ворвался в кабинет Коновалова.

– Так вы дадите мне направление на судно, или мне повеситься напротив ваших окон? – резко заявил Антон, и ему казалось самому, что он не блефует. Коновалов поднял на Антона свои блёклые, сильно увеличенные линзами органы зрения и спокойно сказал:

– Можешь вешаться. Мне всё равно. Вон – деревья, напротив окон.

– Не дождётесь! Я увольняюсь и еду на Дальний Восток, уже прислали вызов. И я снимаю шляпу перед этой стервой-министершей. Чтобы «оттянуться» на мне за своего недоросля Митрофанушку, она «*построила*» всех *плебеев*: на судне, Базе флота, в Тресте и даже в КГБ! Но! Как говорят в Одессе: «*Кроме мочи, всё остальное – г!..*» Прорвёмся!

Эпилог

Митрофанушку встречал на улице Толя Кузякин – бывший матрос-рулевой. Сэм был грязен, оборван, испит – на-

стоящий бомж. Маманя устроила его в моручилище, но его оттуда вскоре выгнали. И дальнейшая его судьба неизвестна. Учитывая его капризный характер, можно предположить, что его забили в какой-нибудь подворотне, не поделив водку.

Семёнов Игорь Митрофанович, отец Митрофана, в то время *непыльно* работал представителем Минрыбхоза на верфи в Штральзунде, в ГДР. Он за мзду от немцев лоббировал их интересы при сдаче судов Минрыбхозу – с недоделками. При этом *давил* на капитанов-приёмщиков судов. То есть, выступал в роли оборотня.

Помполита Щербака М. М. жизнь «слила в унитаза»...

Медовая ловушка

Хроники-стёб о времени позднего Н. С. Хрущёва

Cherchez la femme⁷.

Ювенал, Александр Дюма,

Иван Тургенев

и криминалисты всех времён!

Можно со стопроцентной уверенностью предположить, что первым «погорельцем» на «медовой ловушке», то бишь на женских чарах, был наш прародитель – Адам! И запретное яблоко тут не при чём. Скорее всего, пуританские религиозные догматики под этим сакраментальным «яблоком» подразумевали смачные округлости груди и бёдер окаянной соблазнительницы Евы! И, как в жизни водится, нашли крайнего – стрелочника, – Змия-искусителя. Несчастные змеи до сих пор несут на себе бремя ненависти человеческой, все норовят приголубить их лопатой...

А дальше – пошло-поехало! Ну, например, мудрейший царь Соломон (Шеломо)! У него было семьсот жён и триста б., ну, этих, которые лежат на ложе – наложниц. И чего ему не хватало? Так нет же: запал на эти са-

⁷ Ищите женщину! (франц.)

мые яблочки-округлости царицы Савской (Балкис), и она – coitus exitus mortalis⁸ – приблизила тем самым его кончину: на тысячу баб силёнок хватало, на одну Савскую – не хватило! «Медовая ловушка», оказалась эта, блин, Савская!

Да что там Соломон! Ни один мужчина, если честно признаться, как на духу, не избежал одной-двух-трёх «медовых ловушек», когда ему пришлось пожертвовать либо деньгами, либо карьерой, либо семьёй, либо имуществом, часто – жил-площадью, а подчас – и всем этим вместе взятым!

Даже сам Иешуа (греч. Христос) и тот попался на девушке «без комплексов» по имени Машка (уличная кликуха – «Магдалина»)! По слухам, после семейных разборок с мордобоем и вызовом соседями римских легионеров, Магдалина с «этим промыслом», как бы, ... – «завязала» и даже нарожала Иешуа кучу ребятишек. Осадочек, однако, на душе у Иешуа остался... И ей, по пьяни, после вечери, неоднократно доставалось в глаз...

О простых смертных мужиках эти коллизии – не на слуху, стесняются. А вот бедняга Клинтон попался, что называется, влип: с одной стороны – жена Хиллари (этой стерве можно было и соврать!), а с другой – Верховный Суд, где на кону моникино платье – как серпом по бейцам! Опозорили на весь мир!

А Доминик Стросс-Кан, экс-директор Международного валютного фонда (МВФ), который кинул блестящую идею:

⁸ Coitus exitus mortalis (лат.) – залюблю до смерти.

заменить доллар США (печатается на чердаке у шайки Ротшильда и его 300 подельников – Комитетчиков 300 – «Мировое тайное правительство»!) на новую мировую валюту – доллары «МВФ». Ему тут же «организовали» черномазую горничную, которую он ни сном, ни духом... даже не видел, когда там она убирала гостиничный номер. А оказывается, он «изнасиловал» эту обезьяну. Да там смотреть не на что! С чемоданом в руке, на бегу в аэропорт! Бедный старик давно не помнит даже, где оно находится, это орудие насилия, когда приходит пописать в туалет!

Девятнадцатилетняя Кристина Киллер (вот уж – точно – убийца!) сходила с ума «от этого большого русского медведя», капитана ГРУ Евгения Иванова, кстати – выпускника ТОВМУ (Тихоокеанского/Владивостокского высшего военноморского училища) и по его заданию «завалила» другого «политического медведя» – министра обороны Англии Джона Профьюмо, после чего всё правительство Гарольда Макмиллана ушло в отставку! Чистая работа капитана ГРУ в смычке с милашкой Кристиной!

А наши – министр юстиции Ковалёв с генпрокурором Скуратовым... Второй лишил первого его поста, кинув ему на стол «предъяву»: скрытую съёмку на «медовой ловушке», а через день-другой – вы не поверите таким совпадениям – он сам «погорел» на той же хате, с такой же съёмкой. Цирк! «Медовая ловушка!»

Мы не забудем и наших патриотов – политических про-

ституток (в прямом смысле!) – «путан», бросивших на алтарь борьбы с супостатом самое дорогое, что у них оставалось (кроме вузовского диплома!) – девичью Честь! Ну, например, Анна Чапман: пробралась в постель чуть ли не к самому Обаме! А патриотка Мария Гайдар? Все на неё навешали собак: «предательница памяти отца и всего на свете»! А она вывела Михо Саакашвили на чистую воду: он оказался насильником, еле отбилась, бедная! Зато опозорила его на три страны сразу, и он теперь такой позор вряд ли переживёт. Наверное – повесится... напротив её окон.

В нашей истории «медовая ловушка» состояла аж из более сорока (!) особей слабого (на одно место) пола и, впервые в истории человечества – не сработала, согласно иезуитской задумке... Совсем наоборот! И вот как это произошло:

Итак! Во времена оны, до падения Совка, все вновь построенные суда Минрыбхоза принимать могли, имели, как сейчас принято говорить, «эксклюзивное право», только перегонные команды «Калининградского морского агентства по перегону судов, вновь построенных за границей» (такое полное название – на штампе и печати, а в жизни – просто «Контора», по аналогии с известным ведомством на Лубянке)), проверенные до седьмого колена, сами знаете – кем, согласно строжайшим инструкциям, утверждённым, сами знаете – кем.

Поэтому, на приёмку и перегон засылали только команды из Морагентства и засылались поэтапно, группа-

ми, за 10 дней до ходовых испытаний – машинную вахту, а остальную челядь, уже под бдительным оком первого помощника капитана (естественно, «сексота») – двумя группами – к подписанию актов приёмки, к подъёму флага и самому печальному событию – запуску в работу камбуза. Печальному, ибо прекращалась выплата командировочных, кои – мечта моряка! – в четыре раза выше подфлажных!

История приёмок сохранила интересный случай. В 1943 году в Нью-Арк, США, для приёмки вновь построенного транспорта «Жан Жорес» (типа «Либерти», грузоподъёмность 10000 тонн, длина 137метров!) прибыла первая группа приёмщиков в лице капитана... (с ума сойти, до чего дошли эти русские!) женского пола – Анны Щетининой и трёх механиков-паровиков с ней. Все с настроем: «нас не надуешь, всё проверим, всё пересчитаем, все болты и гайки и даже ложки-вилки!»

На трапе их встретил безразличный ко всему миру, гориллоподобный чёрный полисмен в чинах, жующий «чевинг-гам». Он, не прикасаясь, кинул белым глазом на мандат в руке странной бабёнки-капитанши, удивился и засиял фарфоровой улыбкой от уха и до уха: «At last! OK! Good luck, master!» (Наконец! Прекрасно! Счастливо, капитан!») Он тут же вручил Щетининой две связки ключей: одну – от всех судовых дверей, другую – от всех каютных рундуков и, не заходя в судовые помещения, гордо, с чувством выполненного долга (сдал такую махину за одну минуту!) удалился. Перед

этим он свистнул в открытый иллюминатор и, вслед за ним, упорхнули три негра-кочегара, с ног до головы испачканные сажей! Вы можете представить себе негров-кочегаров – В САЖЕ? На этом приёмка была закончена, и механики сами взялись за лопаты и ломы у котлов, а капитанша встала на бессменную вахту у трапа. Кстати, вскоре, облизанная властью сия рекламная квази-капитанша Щетинина этот пароход... утопила.

Другое дело – приёмка судна в России...

В судостроении изделие должно быть готовым по всем статьям к одному сроку – к сдаче заказчику. То же самое и в подготовке судна к отходу в длительный промысловый рейс. Вот в Калининграде, например, в Базе экспедиционного флота, работающего на Кубе, начальник службы эксплуатации флота Илья Гольдман изобрёл и ввёл в действие «Сетевые графики», алгоритмы подготовки судна. По этим графикам судно безукоризненно чётко было готово к отходу по всем статьям в точно назначенное время. Орден дали другому, но диссертацию Илья Михайлович всё-таки защитил.

Показателем индустриальной мощи любой страны является судостроение. На него замыкаются 200—300 заводов-поставщиков! Но, учитывая разный ритм работы своих цехов, к сдаче судна все приходят далеко не одновременно. А судно – в графике контракта! И сдать судно точно в срок – нужно, хоть тресни, и тогда тебе – и премии, и почёт, а в противном случае – даже думать не хочется, что бывает «в против-

ном» случае («Вредительство» – тяжелейшая статья!). А завод ведь – многотысячный коллектив-организм, и все зависит от конечного результата! Тут не только подставишь заказчику «медовую ловушку», тут сам ляжешь, если потребуется...

Прославленный (грандиозной дракой в ленинградском ресторане «Нева», в которой ему откусили правую ноздрю!) капитан дальнего плавания Борис Иванов прибыл в город Николаев с первой группой приёмной команды Калининградского морского агентства и поселился с оными в гостинице «Мыколайив» в ожидании приёма на судостроительном заводе «Ленинская кузница», по готовности, судна – БМРТ «Владимир Арсеньев», назначением в Находку, с выполнением по пути правительственного заказа – в течение трёх месяцев «оконтурить перспективно-промысловые районы добычи рыбы на шельфе Цейлона (Шри-Ланка)». Вот здесь и зарыта была собака: в межправительственном договоре с Цейлоном были оговорены (и проплачены Внешторгу) точные сроки чартера данного судна с научным составом на борту.

Так вот: кроме капитана Иванова с его свитой (три помощника) в гостинице поселились ещё и «сотрудник» (сами понимаете – чей), шифровальщик (тоже – чей), профессор из ЗапрыбВТУЗа Пробатов с двумя аспирантами, судовой врач, помполит (ну как же без него? Работа остановится, и все мигом сбегут за границу!), главмех, начальник рации

и старшие реф- и электромеханики. Ещё периодически наезжал куратор «Судоимпорта» из Минвнешторга СССР, чтобы гарантировать точный срок поставки судна Цейлону.

Забегая вперёд, прошу теперь представить себе сдвинутые столы в ресторане «Пивдэнный» («Южный») на Радяньском (Советском) проспекте, а за этими столами «гудит» вся вышеперечисленная хевра, и между каждым из них, как прокладка always, сидит... заводская МАЛЯРША! С какой стати? Но это было потом.

А сейчас – сроки трещали.

Капитан теребил строителя: «Через два дня идём на ходовые испытания, но судно до сих пор даже не покрашено. Нас не выпустит портнадзор!» Строитель хитро щурится: «Так сейчас малярши тут нам только мешать будут. А вот на переходе в Одессу, на ходовых испытаниях и покрасим!.. С нами вместе пойдёт самоходный плашкоут с бытовкой, компрессором и красками!». «Ну-ну... посмотрим на вашу затею», – буркнул Борис Иннокентьевич (БИ).

В то раннее утро перед уходом в Одессу приёмщики-перегонщики слышали под бортом, у трапа, такой галдёж, что он перекрыл шум работающего завода. Там они с удивлением обнаружили цветастую толпу не цыган, а точнее – не цыганок, а «молодых та гарных хохлушек» с рюкзаками и баулами. Они тархтели все разом, не слушая друг друга и строителя в середине этого табора. Это была заводская бригада из малярного цеха в полном составе – более сорока особей

женского пола в возрасте, не превышающем тридцати лет! Малярный цех – «kozyрная работа», но вредное и опасное производство – верхолазные работы – берут в этот цех предпочтительно молодых. Зато оплата: выше ставки инженера!

Строитель раздавал ключи от кают и при этом инструктировал: «Работаем в две смены, с восьми до ноля. В светлое время – снаружи, в тёмное – внутри... (Лучше бы он этого не говорил! Понимать это можно было по-разному). На судне – два экипажа, хоть и сокращённых, но кают на вас не хватает. Придётся ночевать в столовой команды и... проситься на диванчики в каютах экипажа (Лучше б он этого не говорил! В столовой потом не оказалось а-ни единой малярной душеньки! Все нашли себе диванчики в каютах перегонщиков).

Великий Пётр Первый, в единолично им самим разработанных воинских Уставах – установил: «Женщину на судно не пущать! А, ежели – пущать, то – по числу команды!»

Хитрые хохлы так и поступили, точняк по Уставу: на 45 приёмщиков *пригнали* 45 малярш! «А шо? Шоб – без разборок. Шоб по справу! Кожному по малярше!»

Капитан «БИ» имел свирепый вид: над невысоким лбом нависал тёмный, с проседью на висках, жёсткий ёжик. На откушенную правую ноздрю нашита светлая латка (прозвище за глаза – «Боря-ноздря»). Под изуродованным носом – тонкие испанские усики. И – серые, с хитринкой, глаза. Фигура – борцовская, ходит – вразвалку, руки – колесом, как перед

схваткой. Но, притом, – демократ: начинал матросом в китобойке «Слава», в Одессе.

Он вызвал к себе Антона, второго помощника капитана, который ведал продуктами и «тропическим» вином. В те, в некотором смысле, распрекрасные времена, морякам, при пересечении Тропика Рака (северная широта 23 градуса и 27 минут) полагалось и выдавалось аж триста граммов вина в сутки. Что составляло три «огнетушителя» (бутылки по 0,7) в неделю или – ящик – 12 бутылок в месяц на одну иссохшую от тропической жары душу.

– Что у тебя с вином? – спросил капитан Антона.

– Как вы велели, на месяц перехода на Дальний Восток и три месяца работы на Цейлоне закупил на сто человек экипажа – по тысяче двести бутылок на месяц, а всего взял пять тысяч бутылок, целую фуру. Правда, сухого вина на складе не оказалось в таком количестве, так я взял полусладкое, румынское, «Фетяска». Всё погрузил в рыбомучной трюм, ключи – у меня.

– Я сам заниматься такой хреновиной не буду – следить за выдачей вина. Помполиту я тоже запретил. Знаю, что у тебя будут просить вино уже сейчас, до входа в тропики. Что ж, дорога ложка к обеду. Учитывая, что моряки – «на декохте» (безденежье, одесское выражение), я разрешаю тебе выдавать «под запись», авансом, но... в ограниченных количествах. Чтоб без «шухера» и – только нашим. Отвечаешь за каждую пьяную рожу, если замечу. Всё понял? Свободен.

— Есть! Борис Иннокентьевич, вы – человек! Я уже сижу в каюте на осадном положении! Спасибо. Всё будет олл райт! – у Антона отлегло: он уже начал потихоньку раздавать ребятам вино. Просят! И днём и, «особливо», ночью...

Ну, а теперь представьте себе: пять тысяч бутылок «Фе-тяска», помноженные на сорок пять молодаек-хохлушек, поселившихся на законных основаниях – отсутствие кой-ко-мест – в каютах морAGENTчиков, и всё это ещё раз помножить на блистающую огнями, в запахе магнолий, опьяняющую Одессу-маму! Фантастика!

Тщетно! Трое суток на ходовых испытаниях тщетно пытались достучаться сдатчики хотя бы в одну из кают приёмщиков. Из-за дверей слышалось разное, типа: «Ой, мамочка!» или чего похуже, типа: «Пошёл на хер!»

Строитель бросился к капитану: пора подписать акты приёмки заказа!

Борис Иннокентьевич вышел из спальни, налил по сто граммов коньяка себе и строителю, сел в своё кресло, закурил «Регби» и спокойно припечатал:

– Уважаемый Нестор Григорьевич! Я принимаю уже четвёртое судно на вашем заводе имени Ивана Носенко, сын которого Юрий, находясь в составе делегации в Швейцарии в качестве «кирпича», соглядатая КГБ, попался на «медовой ловушке» и сбежал к ворогу-супостату. Ну, это я так – к слову о «медовой ловушке». Так неужели вы надеетесь «втюхать» мне туфту с помощью этой самой «медовой ловушки»,

нагнав на судно толпу смазливых бабёнок? Я подпишу акты после того, как вы предъявите главный двигатель, а он у вас не развивает обороты, и морозильные установки, которые вместо минус 40 градусов в камерах дают только минус 11. Мы куда денем улов? Будем сушить на шкертниках для одесского «Привоза»? Или сразу сбрасывать назад, в море?.. Работайте! А экипаж ждёт моей команды. И... по силе-возможности участвует в покраске судна: поднимает рабочий градус вашей бригаде, по совместительству – малярш, хе-хе-с! – Боря-ноздря славился на всю контору «Морагентство» своими одесскими хохмами.

– Так это виновен поставщик морозильных агрегатов – Гори, Грузия, – заволновался Нестор Григорьевич: он понял, что тут у него – не прохонже.

– Грузия, Гори – родина товарища Сталина – это ваше бизи (дело). А на складах у вас, наверное, найдутся работающие агрегаты для правительственного заказа. Или вы не понимаете, что с вами будет, если на Цейлоне эти морозильные агрегаты откажут! Моё слово такое: возвращаемся на завод, в Николаев, и меняйте морозильную установку. Точка! – добил строителя капитан.

– Боренька, ну ты скоро? – раздался певучий голосок из капитанской спальни.

Экипаж ликовал. Впервые в жизни такая «шара» – бесплатно и с доставкой на дом! Только один человек, хмурился и что-то много писал: это был «кирпич» – помполит Шешу-

ков. (так называли моряки втайне ненавидимых помполитов. А ещё «кирпичом» называли соглядатаев от КГБ в каждой группе интуристов или всевозможных делегаций. Это прозвище родилось от запрещающего знака ПДД).

Нет, сам «кирпич» тоже активно участвовал во всех, назовём их – мероприятиях, тоже пустил к себе «на постой» маляршу, тоже сидел с ней ежевечерне в ресторане (до подписания актов приёмки судна камбуз на судне не работал, питались все в ресторане) вместе со всеми. У них это считается – «быть на спецзадании», но – как бы чего не вышло – он на всякий случай, ежедневно всё фиксировал, чтобы было что выложить на стол там, где надо и кому надо! Партбилет – он один раз даётся, но и снимается тоже один раз, а последствия – живой покойник, прокажённный, «один на льдине»... никто даже не поздоровается, руки не подаст! Полная жопа!

Поэтому, как только вернулись в Николаев, на завод, Шешуков отправил в Калининград два «политдонесения» (так у них называются доносы) в партком и куратору... С «курами» эта кликуха не имеет ничего общего.

И тут началось совсем непредсказуемое: на судно и в гостиницу к капитану Иванову начали шастать... мужья малярш с претензиями, что их жёны являются домой за полночь (а то и вообще не приходят ночевать!) и в нетрезвом состоянии! Они ссылаются на «правительственный заказ» и авральную работу с нитрокрасками, которые дают эффект эйфории, сходный с опьянением.

История человечества скрупулёзно зафиксировала факты: наутро, после второй, а – третьей ночи – уже точно, абсолютно каждая женщина делает мужчине «предъяву», типа: «убей и принеси» (пещерный век!), «купи, подари» (во все века!), «перепиши на меня» (текущее время). Касательно моряков это выглядело, в основном: «Суслик, дорогой, привези мне и моему цыганёнку (вариант: сестре, маме, подруге, тёте Фене, Бене и Бениной матери...)» и следовал список на трёх листах, мелким почерком. Самые борзые умудряются на третий день объявить себя... беременными. И все они, как бандиты, на голубом глазу, «включают счётчик»! Намекая на... партком и визу.

Уже в гостинице, куда комсостав вернулся после ходовых, капитан Иванов вызвал к себе в номер по телефону Антона.

– Антон, ты встречал здесь, в гостинице, конкурирующую фирму? Приёмщиков с Калининградской Базы реффлота?

– Да, я встретил своего друга – механика Бениамина Арутчева. Он рассказал, что они с его капитаном, Героем Соцтруда Иваном Ивановичем Алексеевым уже шестой месяц – представляете! – никак не могут принять БМРТ «Лермонтов». Главный двигатель у них, как и у нас – «Русский дизель», ленинградской постройки, и он не развивает обороты. И у них тоже – правительственный заказ: разведка новых промысловых районов в Индийском океане, вокруг Мадагаскара, – не понял Антон, куда клонит хитрый одессит.

– Выходит, для завода эти «фигли-мигли»: «правитель-

ственный заказ» – до лампочки. У них на стапелях, в первую голову – военные корабли. Да и я – не Герой Соцтруда! А ты знаешь, чья дочь Красовская?

– Не знаю, кто такая Красовская.

– Ну, понятно. Моряки в постеле фамилию не спрашивают. Так это – твоя подружка Мила, судовой фельдшер сдаточной команды, студентка мединститута. Она у нас на судне – на практике. А папа у неё – хозяин города Николаева, предисполкома. А откуда я всё это знаю? Так она приходила уже не раз ко мне. Она жалуется на тебя: не хочешь жениться! А вчера принесла завёрнутую в газетку и выложила мне на стол целую «буханку» пачек с деньгами. Сказала, что эти деньги дала ей мама вам на свадьбу!

– Так я же ей сказал, этой дуре, что я – женат! – удивился Антон.

– Она уже приходила ко мне уточнять, правда ли это, что ты женат. Дескать, все в команде клянутся ей, говорят, что ты – холост (а что они ещё могли сказать? Не закладывать же друга!). Ну, я и пошутил, что ты просто стесняешься своей бедности. А повенчать вас я, как капитан судна, имею право: обведу вас трижды вокруг компаса, как вокруг аналоя, и распишу вас записью в судовом журнале! – хихикал Борис Иннокентьевич. – Я же не думал, что она серьёзно воспримет мою шутку! Но она, видимо, крепко на тебя «запала». Сидела тут у меня, лила слёзы: «Вот вы уйдёте в рейс, и я уже никогда не встречусь с ним... А когда вы снова приедете

к нам, в Николаев?»

И вдруг перешёл на серьёзный тон: – Есть у меня одна задумка: заводчане хотели поймать нас на «медовой ловушке». А мы поймаем их самих на этой самой ловушке – Миле. А в качестве ловца работаешь ты, Антон. Ты с этой девачкой пока не ссорься. И «случайно», как бы строго по секрету, конфиденциально! «проговорись», якобы, куратор «Судоимпорта» прилетел из Москвы, чтобы предупредить капитана о чрезвычайном событии: сам Никита Сергеевич вот-вот приедет в Николаев обозреть стапели с военными заказами, которые он приказал «похерить». Он, конечно, увидит и эти, застрявшие два БМРТ. И поэтому капитан должен подготовить экипаж к такой встрече, если у Хрущёва возникнут вопросы, в чём проблемы? Возможно, после этого в Николаеве может произойти смена руководства... Ты меня понял? – вполне серьёзно гнул Борис Иннокентьевич свою линию.

– Да, я вашу одесскую задумку правильно понял! И я сегодня же, шепотком «проговорюсь» ей. Но, вы, пожалуйста, оставьте свои шутки с ней по поводу женитьбы. Это для меня может плохо кончиться. Она же – дура. И она узнала, что половина экипажа БМРТ «Лермонтов» уже переженились. И даже сыграли пышные свадьбы! По паспорту моряка заграничного плавания! Без штампа в паспорт моряка. В здешних ЗАГСх – сошли с ума! Они решили, что если можно расписать пару по военному билету, то можно и по «мореходке»!

Она может пожаловаться отцу. Она говорила, что он в ней «души не чает»...

Если по правде, то «чаяние» руководящего папы, как и всех других – «руководящих» – сводилось к одному: при словах «Папа, я тут...», он сразу обрывал объяснения, спрашивал: «Сколько?» и раскрывал портмоне. Этому приёму она научилась у мамы. Такая процедура была возможна только по воскресеньям, а в будни папа возвращался поздно (после посещения всему городу известной своей... «референтши» по связи... со СМИ) выпивал стакан «Столичной», оставив в сторону наваристый борщ, съедал баночку красной или чёрной икры (ежемесячная дань директора «Торгмортранса» Якова Соломоновича Аптекаря – банка иранской, чёрной, 1,8 кг!) и уходил храпеть до утра в свой кабинет.

Мила Красовская была из тех девушек, которым лучше молчать, чем говорить. Внешне она выглядела как взрослая женщина, но выразить свои мысли ей с трудом удавалось на уровне троечницы-восьмиклассницы пятидесятых годов. Информация тогда шла только из радиоточки, телящика «Рекорд» – всего три программы: местная, киевская и московская. И, конечно, кино. Учиться ей не только не нравилось, но даже мысль о школе вызывала рвотный рефлекс. Единственное, что оставалось интересным в этом бедламе – мальчики из старших классов. Они уже *ложили* глаз на рано оформившуюся девушку Милу и это вызывало ответный

волнительный позыв.

Только с помощью отца удалось запихать Милу в мед-институт, в котором она еле ползла с «хвостами» по всем сессиям и от которого у Милы тоже воротило душу. Поэтому, на летнюю практику после второго курса она напросилась (через звонок папы!) на завод, где моряки заграничавания принимали новые и отремонтированные суда. Подружки уже протоптали туда дорожку и появлялись на Радяньской в ажурном нейлоне и – писк моды – ажурных колготках со стрелками!

В статусе «судовой фельдшер сдаточной команды» Людмила перво-наперво изучила «Судовую роль» (список) перергонного экипажа БМРТ, где её, тоже перво-наперво, интересовала одна графа – год рождения члена экипажа. Отобрав, как из колоды краплёные карты, – медпаспорта моряков заграничавания, годных в качестве будущего... приятеля, она остановилась на самом молодом – 24 года – втором помощнике капитана (не рядовой работяга!) и посмотрела на фото в паспорте. Фото привело её в возбуждённое состояние: ну просто киноартист!

До вечера Мила ходила сама не своя, продумывая ход-подход к объекту своей цели. А в конце рабочего дня, в этом таилась изюминка задуманной операции, когда моррагентщи-ки убывали в гостиницу и по ресторанам, она набрала номер каюты второго помощника.

Удивлённому Антону Мила, представившись, предложи-

ла зайти к ней в амбулаторию для сверки данных по вакцинациям в его медпаспорте. Антон зашёл в амбулаторию и увидел молодую чернявую девушку семитской внешности со стройными, загорелыми ножками под коротким, белым халатиком. До двадцати пяти лет все украинки – смешение азиатской, польской, венгерской и, естественно, еврейской крови – загляденье! Глаза – крупные, губы – смачные и – *повна пазуха цицьок!* Однако, свежий воздух на поле, сало, галушки та «домашня ковбаса» к тридцати меняют их до неузнаваемости: 130x130x130! (Грудь – талия – бёдра).



Антон. 1960 г., гор. Николаев

Мила, после сверки всех реквизитов в санпаспорте моряка, обратила внимание Антона, что у него, якобы, не совсем ясно прописана дата вакцинации от холеры! (Дата была написана «врачебным почерком», но вполне ясно!) Антон возразил: «За истекший год я побывал в четырёх странах Европы и нигде претензий не было. А в прошлом месяце я два-

дцать дней проживал в отеле „Хоспиц“ в Турку, в Финляндии, мы там принимали судно для Таллина, и ко мне тоже претензий от карантинной службы не возникало!»

Мила на три минуты утратила дар речи: перед ней сидел живьём красивый парень, который почти месяц жил в гостинице, в «проклятом, загнивающим», и мог там ХОДИТЬ ПО МАГАЗИНАМ! И даже делать покупки! Фантастика! Неужели такое возможно в нашей стране?

– Рабочий день уже закончился. А давайте зайдём ко мне в каюту на «рюмку чаю» с шоколадом? На посошок, перед городом? – нахально предложил Антон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.